

В ВЫСОКИЙ СУД ПРАВОСУДИЯ

Иск № CL-2023-000262

СУДЫ ПО ДЕЛАМ БИЗНЕСА И СОБСТВЕННОСТИ АНГЛИИ И УЭЛЬСА

КОММЕРЧЕСКИЙ СУД (ОТДЕЛЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ СКАМЬИ)

СТОРОНЫ:

ЕРМЕК АЛИМОВ

Истец

- и -

(1) АБДУМАЛИК МИРАХМЕДОВ

(2) РАШИТ МАХАТ

(3) АНДРЕЙ КИМ

(4) GENESIS DIGITAL ASSETS LIMITED

(компания, зарегистрированная на Кипре)

Ответчики

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ ЕРМЕКА АЛИМОВА

Я, Ермек АЛИМОВ, зарегистрированный по адресу: [REDACTED]

[REDACTED], заявляю следующее:

1. В данном разбирательстве я выступаю Истцом.
2. Мои родные языки – казахский и русский, а английским я владею в ограниченном объеме. Если бы мне пришлось давать устные показания в рамках данного разбирательства, мне потребовалась бы помощь переводчика. Данные показания были подготовлены после обсуждения лично, по телефону и по электронной почте с моими адвокатами, которым поручено представлять интересы Истца и которые свободно владеют русским языком. Перевод данных показаний на английский язык прилагается.

3. Факты и обстоятельства, изложенные в настоящих показаниях, известны мне лично, если не указано иное, и я считаю их достоверными. В тех случаях, когда я ссылаюсь на информацию, предоставленную другими лицами, указывается источник информации; факты и обстоятельства, сведения о которых получены из других источников, соответствуют действительности, насколько я могу судить в меру моих знаний и убеждений.
4. Я даю данные показания в ответ на заявления ответчиков (а) об оспаривании юрисдикции суда и (b) об отмене постановления судьи Диаса от 19 октября 2023 года о разрешении вручить иск Ответчикам вне юрисдикции ("**Постановление судьи Диаса**").
5. Я ссылаюсь на представленные Ответчиками свидетельские показания по фамилии свидетеля и номеру показаний, например, "Мирахмедов 1". Я использую сокращения, приведенные в моем Развернутом исковом заявлении ("**РИЗ**").
6. В данных показаниях я отвечаю на показания каждого из Ответчиков с первого по третий, приведенные в их свидетельских показаниях ("Мирахмедов 1" и "Мирахмедов 2", "Махат 1" и "Ким 1"). Вторые свидетельские показания моего адвоката Михаила Яцухи даны в ответ на свидетельские показания, представленные адвокатами Ответчиков.
7. Постановление судьи Диаса было вынесено на основании моего ходатайства о разрешении на вручение иска, которое было подкреплено показаниями "Яцуха 1" от 19 октября 2023 года. В указанных показаниях были изложены факты и обстоятельства, доказывающие, что данный иск подсуден этому суду и Англия является надлежащим местом урегулирования спора. В ответе на заявления Ответчиков я опираюсь на указанные показания, а также на доказательства, содержащиеся в данных свидетельских показаниях и показаниях других свидетелей, которые я прилагаю к данным показаниям.
8. Мною предъявлен комплект верных копий документов с пронумерованными страницами, обозначенный как "YA1". Если не указано иное, все содержащиеся в данных показаниях ссылки на документы по номерам страниц являются ссылками на YA1.

А. ИСТОРИЯ ПРОЕКТА ПО МАЙНИНГУ БИТКОЙНА

9. В этом разделе я излагаю фактические обстоятельства, составляющие предысторию моего иска. Эта информация уже была представлена в РИЗ и в пунктах 6–37 показаний "Яцуха 1" (данных в обоснование РИЗ), но я привожу дополнительную информацию, чтобы предоставить более подробные сведения по этим вопросам и ответить на показания Ответчиков, связанные с этими событиями.
10. Изложение обстоятельств основывается на моих собственных воспоминаниях и документах, имеющихся в моем распоряжении (включая содержащиеся в моем Первоначальном раскрытии) и в распоряжении свидетелей с моей стороны. Однако, учитывая тот факт, что заявление, в ответ на которое даются данные показания, касается только вопросов подсудности, я, как и Ответчики, не проводил поиск всех имеющих отношение к делу документов.
11. Я бизнесмен, ранее проживавший в Казахстане, а с 2018 года – в Англии. Ранее я был ведущим специалистом в энергетическом секторе Казахстана. В прошлом я занимал пост председателя правления "АстанаЭнергоСервис", акционерного общества с участием государства, в котором правительство Казахстана является мажоритарным акционером и которое владело базовыми энергетическими компаниями в Астане, столице Казахстана. Я также был директором частной энергетической компании, владевшей электростанцией в Караганде.

Моя первая встреча с ММК в мае 2017 года

12. В мае 2017 года г-да Махат и Ким впервые связались со мной по телефону по поводу проекта майнинга биткойна и пригласили меня на встречу в отель "Radisson" в Астане. В то время правительство Казахстана только начало стратегически развивать майнинг криптовалют для привлечения инвестиций в страну, и проект по майнингу криптовалют, предлагавшийся ММК вместе с GM (и с использованием технологий и серверов GM) стал бы первым или одним из первых проектов по майнингу криптовалют в Казахстане.
13. ММК сказали мне, что очень влиятельный казахский бизнесмен Кайрат Сатыбалды порекомендовал им меня как человека, который мог бы помочь им с их проектом по майнингу биткойна. Г-н Сатыбалды был племянником тогдашнего

президента Назарбаева и имел неограниченный административный ресурс. Он часто обеспечивал защиту бизнесам за вознаграждение от давления от третьих лиц. Эта защита часто называлась русским словом "крыша". Никто вслух это так не называл, но всем в Казахстане было понятно, что имеется в виду. Со слов г-на Ким, каждый месяц ММК отдавали г-ну Сатыбалды примерно 100 000 долларов США наличными, а позже – еще и биткойны (которые стали выплачивать, когда уменьшили причитавшиеся мне лично платежи, что описывается ниже). Влиятельность г-на Сатыбалды имела важное значение для проекта, например, поскольку оборудование для майнинга криптовалют было двойного назначения и, следовательно, требовало наличия разрешения на ввоз от Комитета Национальной Безопасности.

14. Г-н Сатыбалды уже знакомил меня с г-ном Махат и г-ном Ким в Дубае в 2014 году. Я катался на квадроцикле во время сафари с г-ном Сатыбалды, двумя моими сыновьями и несколькими друзьями семьи. Г-н Сатыбалды пригласил г-на Махат и г-на Ким присоединиться к нам, и тогда я с ними и познакомился. (Я не встречался с г-ном Махат в 2009 году, как он утверждает в пункте 38 "Махат 1".) Когда они приехали, г-н Сатыбалды сказал мне, что г-н Махат и г-н Ким являются его самыми близкими и доверенными людьми и что, если у кого-то есть жизнеспособные бизнес-идеи, они могут направлять эти идеи им, а г-н Махат и г-н Ким передадут их ему. Я помню, что до г-на Махат и г-на Ким нас было семеро, а с учетом их – девять, т.е. не 20 человек, как заявляет г-н Ким в пункте 18 "Ким 1". У моей жены Гульмиры и жены г-на Махат тоже были общие знакомые, особенно в Казахстане и Объединенных Арабских Эмиратах. Однако мы с г-ном Махат больше никак не пересекались, кроме как на деловых встречах или в связи с поручениями г-на Сатыбалды.
15. В 2016 году я косвенно общался с г-ном Мирахмедовым по другому проекту, хотя напрямую мы не встречались. В 2016 году ко мне обратился имам Ибрагим (я не знаю его полного имени, но он был довольно известной персоной в религиозных кругах Казахстана), выступавший в качестве представителя г-на Мирахмедова, и попросил меня оказать содействие в получении земли в Астане для строительства мечети на средства г-на Мирахмедова. Я был знаком с мэром Астаны и пролоббировал эту просьбу. Городской совет согласился выделить землю под

строительство мечети, и все было устроено для г-на Мирахмедова, однако позже он решил отказаться от своего плана (чтобы не портить мои отношения с мэром из-за отказа от плана строительства мечети, я и другие добровольные жертвователи решили сами предоставить средства на строительство мечети). Поэтому, я не понимаю, как г-н Мирахмедов может утверждать (в пункте 18 "Мирахмедов 1"), что он не знал меня и никогда не слышал обо мне до мая 2017 года, когда за год до этого он связывался со мной через свое доверенное лицо.

16. Я встретился с г-ном Мирахмедовым, г-ном Махат и г-ном Ким в отеле "Radisson" в мае 2017 года. Г-н Мирахмедов определил себя как человека, у которого возникла идея проекта по майнингу биткойна, и как инвестора проекта. Г-н Махат являясь человеком, имеющего связи в правительстве и способного предоставить административные ресурсы для проекта, и сказал, что он выступает от имени г-на Сатыбалды. Г-н Ким был определен операционным менеджером проекта, также от имени г-на Сатыбалды.
17. Они рассказали мне о своем совместном предприятии с GM по разработке проекта по майнингу биткойна, в частности о следующем:
 - (a) Примерно в конце 2016 года г-н Мирахмедов познакомился с Марко Стренгом – основателем GM, компании по майнингу криптовалют и облачному майнингу, которой он владел вместе с Марко Кроном. Г-н Мирахмедов и г-н Стренг обсудили разработку проекта по майнингу биткойна в странах СНГ. Затем г-н Мирахмедов обратился к своим деловым партнерам г-ну Махат и г-ну Ким с предложением принять участие в проекте.
 - (b) Примерно в апреле 2017 года ММК договорились с GM о создании совместного предприятия в Казахстане на условиях "50 на 50".
 - (c) Они должны были найти дешевый источник энергии общей мощностью до 100 МВт и ценой электроэнергии не более 0,04 доллара США за кВт/ч, а также найти землю и здание рядом с этим источником энергии и подготовить его для майнинга биткойна "под ключ", организовав его ремонт, подключение к интернету и другую инфраструктуру.

- (d) По их словам, ГМ должны были предоставить оборудование для майнинга биткойна и другое технологическое оборудование, а также подключить эти новые фабрики по майнингу биткойна к своей существующей инфраструктуре вне Казахстана.
18. Дешевый источник энергии был очень важен для майнинга биткойна, поскольку этот процесс был очень энергоемким из-за объема компьютерных мощностей необходимых для майнинга.
19. ММК рассказали мне, что они намерены получить дешевый источник энергии для проекта майнинга биткойна, купив электростанцию в Казахстане. Они спросили меня, могу ли я помочь им с этой покупкой, познакомив их с владельцами электростанций, которые можно приобрести. Я согласился и сказал, что могу помочь им в поиске источника энергии, организовать группу экспертов для оценки пригодности каждой из доступных электростанций и познакомить ММК с их владельцами для переговоров о покупке. На тот момент я мог им предложить три электростанции: Риддерская ТЭЦ, КарГРЭС-1 и Согринская ТЭЦ.
20. Вскоре после первой встречи с ММК в мае 2017 года я встретился с г-ном Сатыбалды в его офисе в Астане, чтобы обсудить текущий статус исполнения других его поручений. Во время этой встречи он подтвердил, что рекомендовал меня ММК. Я понял, что он одобрил проект по майнингу биткойна и дает мне "зеленый свет" на то, чтобы я помогал им в этом.

"Сталь" и АБК

21. В мае 2017 года – либо на этой первой встрече с ММК, либо на другой встрече вскоре после этого – я рассказал им, что также владею некоторыми энергетическими активами в Казахстане, которые, по моему мнению, могут быть использованы для проекта биткойн-майнинга, если ММК не сможет приобрести электростанцию. Этими активами были (a) электроподстанция "Сталь" в Караганде, городе в Казахстане, мощностью 110/10 МВт, и (b) соседний завод, известный как завод "Вторпром", и связанные с ним Здания АБК (административно-бытового комплекса) с прилегающей землей площадью 10 гектаров.

22. Я считал, что "Сталь" может стать подходящим источником дешевой энергии для СП GM, потому что:
- (а) Это была единственная подстанция в Карагандинском энергоузле, которая подключена непосредственно к источнику энергии (Карагандинской ТЭЦ-3), а не через три других уровня в структуре казахстанского энергетического рынка (магистральные сети, региональные электросетевые компании и энергосбытовые компании). Согласно казахстанскому антимонопольному законодательству, каждая из этих организаций должна взимать за электроэнергию цену, устанавливаемую государством, что означает, что минимальная цена на электроэнергию, поставляемую через эти организации, будет составлять 0,06–0,07 доллара США за кВт/ч. Использование подстанции Сталь позволяло обеспечить транзит электроэнергии по цене 0,02 доллара США за кВт/ч (как потом и было).
 - (б) У подстанции "Сталь" было достаточно мощностей для майнинга биткойна, поскольку она могла передавать 25 МВт для первоначальной фабрики по майнингу биткойна (которая, как я думал, может быть размещена в Зданиях АБК), а также 50 МВт или более для дополнительных фабрик по майнингу биткойна, которые могут быть построены на 10 гектарах земли на участке.
23. Я был конечным бенефициарным собственником подстанции "Сталь", завода "Вторпром" и Зданий АБК, которыми я владел через корпоративные структуры (изначально ТОО "Темирши", а затем ТОО "ККС Караганды", в которых я выступал бенефициарным собственником: "Темирши" на 90% и "ККС Караганды" на 100%). О владении этими активами я расскажу ниже, но хочу, чтобы в данном контексте было ясно, что я был собственником этих активов во все соответствующие периоды. Я не был "брокером" или "посредником" при продаже этих активов, как утверждают ММК.
24. Я находился в процессе продажи подстанции "Сталь" и имущества завода "Вторпром" китайской компании "Hua Tun (Central Asia) Cable LLP" ("**Hua Tun**"), и сделка была почти завершена. "Hua Tun" ожидали последнего инвойса от "ККС Караганды" на сумму 2 500 000,00 долларов США, чтобы завершить приобретение подстанции "Сталь". "ККС Караганды" также согласились продать "Hua Tun" завод

"Вторпром" за 5 000 000,00 долларов США. Общая цена договора с "Hua Tun" составляла 7 500 000,00 долларов США. ММК попросили меня рассмотреть возможность выхода из договора с "Hua Tun".

Дальнейшие встречи с ММК

25. После этой первой встречи у меня были еще встречи с ММК или, когда г-н Мирахмедов был в Лондоне, с г-ном Махат и г-ном Ким, чтобы обсудить потенциальное сотрудничество в проекте биткойн-майнинга. После моей первой встречи с ММК в мае 2017 года и моей лондонской встречи с г-ном Мирахмедовым 10 июня 2017 года (описываемой ниже), на которой я заключил Лондонское соглашение, были еще десятки встреч. Они редко проходили с участием г-на Мирахмедова – чаще с г-ном Ким и иногда с г-ном Махат. С г-ном Ким мы обсуждали всяческие рутинные и оперативные вопросы: например, как подключить оборудование к подстанции, цены на электроэнергию, технологический цикл и подходящие активы. В этом смысле ММК полагались на мой опыт и знания.
26. Наши обсуждения проекта по майнингу биткойна проходили в офисе ММК, расположенном в том же здании, что и отель "Radisson". Офис ММК состоял примерно из 10 комнат. У г-на Махат был свой кабинет, где проходило большинство обсуждений. У г-на Мирахмедова также был свой кабинет, однако, поскольку он часто отсутствовал в офисе, большую часть времени им пользовались сотрудники ММК: Максим Сулимов, Денис Русинович и Сергей Ельцов. У г-на Ким не было отдельного кабинета, и он сидел в общем помещении вместе с коммерческим отделом, в который входили юристы, бухгалтеры и другие сотрудники бэк-офиса. Когда г-н Махат не присутствовал на встречах, г-н Ким брал ключи от комнаты г-на Мирахмедова, и мы проводили наши встречи там.
27. В ходе наших обсуждений я предоставил ММК резюме команды экспертов-энергетиков: Джона Аббас, Елены Каплуновской и Навида Исмаил, которые были самозанятыми подрядчиками и которым я предложил работу по оценке электростанций для покупки ММК. Я помню, что отправил их резюме г-ну Ким, который хотел ознакомиться с ними, так как был операционным управляющим

проекта. Ознакомившись с резюме специалистов, ММК были впечатлены их опытом, компетентностью и знаниями и были рады начать работать с ними.

28. В связи с этим я организовал встречу в отеле "Radisson" в Астане 6 июня 2017 года, чтобы познакомить экспертов с г-ном Махат и г-ном Ким. Г-н Мирахмедов не присутствовал на встрече, так как в это время находился в Великобритании, но он знал о ее проведении, видел резюме экспертов и одобрил их участие, как указано выше. Встреча состоялась около 8–9 часов вечера в лобби-баре, части большого общественного пространства на первом этаже отеля "Radisson". Мы расположились на двух диванах и двух стульях.
29. Г-н Махат вел разговор с экспертами. Г-н Махат ничего не сказал об истинной природе проекта, т.е. о том, что проект связан с майнингом криптовалют, поскольку г-н Мирахмедов попросил сохранять конфиденциальность. Поэтому мы называли проект "энергоемким производством". Это была ознакомительная встреча, которая длилась всего 20–30 минут. Мы провели короткую беседу, чтобы убедиться, что опыт экспертов подходит для целей нашего совместного с ММК проекта. На этой встрече я договорился с г-ном Махат и г-ном Ким о том, что расходы на эту экспертную группу будут разделены между мной и ММК на условиях "50 на 50".

В. ЛОНДОНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

30. В этом разделе я рассказываю о том, что произошло во время ужина Ифтар 10 июня 2017 года, когда моя семья приехала к Мирахмедовым домой на 27 Ингрэм-авеню, в Лондоне, и когда я согласовал Лондонское соглашение с г-ном Мирахмедовым и стал партнером ММК в совместном предприятии по майнингу биткойна.

10 июня 2017 года: лондонская встреча и Лондонское соглашение

31. Г-н Мирахмедов со своей семьей в то время жил в Лондоне. Я со своей семьей приехал в Лондон в отпуск. Поскольку я ехал в Лондон, меня попросили привезти из Казахстана в Великобританию некий документ г-на Мирахмедова (я не знал, что это был за документ, но позже он сказал, что это паспорт).

32. 9 июня 2017 года, когда я прибыл в Лондон, мы с г-ном Мирахмедовым переписывались в "WhatsApp". Копия наших сообщений на русском языке с английским переводом прилагается к показаниям г-на Яцухи в "МП1" (стр. 121–125). Г-н Мирахмедов представил свой собственный перевод этих сообщений в "АМ2" (стр. 13–15).
33. В этих сообщениях я договаривался с г-ном Мирахмедовым о том, чтобы передать его документ. Он послал своего водителя Саида в мой отель, чтобы забрать его. Я также сообщил г-ну Мирахмедову, что встречаюсь с Ильдаром Закировым по поводу продажи его электростанции "КарГРЭС-1", которую потенциально можно использовать для проекта по майнингу биткойна. Об этой встрече с г-ном Закировым я рассказываю ниже.
34. Затем в своем следующем сообщении г-н Мирахмедов пригласил меня и мою семью на ужин Ифтар (вечерняя трапеза во время Рамадана, когда мусульмане прерывают пост), который должен был состояться на 27 Ингрэм-авеню, в Хампстед Гарден Саберб, после чего он планировал отправиться на Таравих (ночной намаз в Рамадан) в Центральную мечеть Лондона в Риджентс-парке. Я принял оба приглашения.
35. В этих сообщениях г-н Мирахмедов называл меня в уважительной форме – "Ереке", чтобы подчеркнуть свое доброе расположение и отношение (обычная практика в Казахстане).
36. Я сказал г-ну Мирахмедову, что в тот вечер планировал пойти с семьей на мюзикл, который начинался в 19.30. Г-н Мирахмедов сказал, что его дом находится слишком далеко от театра и мы не успеем к Ифтару. Он не хотел портить наши планы.
37. Однако я сознательно решил не идти на мюзикл, а принять его приглашение. Я написал ему в сообщении: *"Брат, на мюзикл мы еще всегда успеем) А пообщаться с таким братом как Вы, не всегда может быть возможность... Мы будем у вас к 21.00) "*. Я сказал, что мы приедем к 9 вечера. Я рассчитывал, что мы окончательно согласуем условия нашего соглашения, которые уже подробно обсуждались в Казахстане.

38. Г-н Мирахмедов утверждает (пункт 54 "Мирахмедов 1"), что он *"совершенно спокойно"* относился к тому, приду ли я с семьей на Ифтар или нет, подразумевая, что ужин не был связан с чем-то важным, например, с обсуждением бизнеса. Однако в той же переписке г-н Мирахмедов также сказал: *"...надеюсь, еще не раз будет возможность поужинать вместе..."*. Это было не просто светское приглашение; он предполагал, что в будущем у нас с ним завяжутся отношения, и поэтому мы будем чаще встречаться за ужином. Это совпадает с моим пониманием того, что мы намеривались развивать наши деловые отношения. Кроме того, г-н Ким говорил мне, что он надеется, что у меня будет возможность встретиться с г-ном Мирахмедовым в Лондоне или где-то еще, чтобы заключить соглашение по проекту. Он несколько раз повторил мне, что г-н Мирахмедов является центральной фигурой проекта (чтобы исправить мое первоначальное впечатление, что центральной фигурой является г-н Махат, поскольку именно он поддерживал связь с г-ном Сатыбалды, рекомендовавшим пригласить меня для участия в проекте).
39. Как я рассказывал г-ну Мирахмедову, 9 июня я встретился с г-ном Закировым, владельцем электростанции "КарГРЭС-1" (одной из потенциальных электростанций для совместного предприятия) и моим близким знакомым и коллегой по энергетическому и угольному секторам. Я заранее позвонил Закирову и пригласил его с женой на ужин с моей женой и сыном в ресторан рядом с "Harrods" приблизительно в 21.00.
40. Но еще до ужина, я встретился с г-ном Закировым в тот день где-то в 14.00, когда он приехал в мой отель, "Landmark". Мой старший сын Ноян приехал из Эксетера (где он учился) приблизительно в то же время. Я попросил его дать нам с г-ном Закировым пообщаться наедине, и поэтому Ноян поехал к моей жене, которая в тот момент находилась в "Harrods". На протяжении 2-3 часов, мы с г-ном Закировым обсуждали различные деловые вопросы, включая опцион, который он предоставил мне (в 2015 году в порядке предварительного соглашения) на покупку электростанции "КарГРЭС-1" за 25 миллионов долларов США. Позже, в тот день, г-н Закиров заехал за мной на машине в отель, затем мы забрали моих жену и сына из "Harrods" и поехали на ужин в ресторан.

41. В ресторане, помимо различных бытовых тем (таких как недвижимость, школы, университеты и жизнь в Великобритании), мы также обсуждали предоставленный мне г-ном Закировым опцион на покупку КарГРЭС-1. Зная, что я, по всей вероятности, начну работать с ММК над проектом по майнингу биткойна, я решил обсудить с г-ном Закировым этот опцион, чтобы узнать, все ли он еще в силе. Будучи разумным бизнесменом, г-н Закиров пытался согласовать благоприятные для него условия сделки, заявляя, что электростанция "КарГРЭС-1" находится в отличном состоянии, и хотел повысить продажную цену; я же отмечал, что у КарГРЭС есть недостатки, пытаясь снизить цену. В конечном итоге мы договорились дождаться завершения комплексной экспертизы КарГРЭС-1 и затем уже вернуться к переговорам.
42. Следующим вечером, 10 июня 2017 года, мы с семьей поехали в дом г-на Мирахмедова, расположенный по адресу 27 Ингрэм-авеню, на такси "Uber" и прибыли туда около 20.40. Мы приехали раньше времени, к которому нас приглашали, 21.00.
43. Мы вошли в дом и поприветствовали друг друга. Я представил свою жену Гульмиру и своего сына Нояна, а г-н Мирахмедов представил свою жену и старшего сына. Я помню, что жена г-на Мирахмедова в то время была на большом сроке беременности. Остальные члены семьи Мирахмедовых были наверху и не присоединились к нам за ужином. Когда мы приехали, г-н Мирахмедов показал нам первый этаж дома.
44. Он рассказал мне о покупке этой недвижимости и о значительных средствах, потраченных на ремонт – в сумме 10 миллионов фунтов стерлингов (что включало в себя стоимость самой недвижимости). Он рассказал мне о том, что активно участвовал в ремонте, проводившемся по его собственному проекту, о том, как выбирал отделочные материалы и тщательно подбирал мебель. Было видно, что он очень гордился этим особняком, который называл своим домом и семейным гнездом для себя, своей жены и детей. Я помню, что он рассказывал мне, что для того, чтобы добиться такой высоты потолков на первом этаже, пришлось извлечь большое количество земли, чтобы опустить полы, о чем свидетельствуют несколько ступенек у входной двери. Я также помню, что напольное покрытие в доме было изготовлено из мрамора.

45. Пока накрывали ужин, г-н Мирахмедов предложил нашим женам побыть наедине, и они отправились поговорить в гостиную. Он также предложил предоставить наших сыновей самим себе, и они вместе отправились в другую комнату. Затем он пригласил меня в отдельную комнату, где мы начали дорабатывать детали нашего проекта по майнингу криптовалюты. Мы находились в этой комнате с 21.00 до 21.20. В ходе беседы г-н Мирахмедов сказал мне, что он представляет *"всех братьев"*, т.е. себя, г-на Махат и г-на Ким).
46. Г-н Мирахмедов спросил меня, уверен ли я в своей способности обеспечить дешевый источник энергии для проекта по майнингу криптовалюты и есть ли у меня связи, которые могли бы помочь в достижении этой цели. Я ответил утвердительно, сообщив г-ну Мирахмедову, что, если нам не удастся найти дешевый источник энергии с помощью моей сети контактов, я готов выделить свои активы для реализации проекта. На г-на Мирахмедова это произвело впечатление, и он согласился. Истекал срок, установленный GM для нахождения дешевого источника энергии, и ММК не справлялись с этой задачей, что ставило проект под угрозу срыва. Потом нам сообщили, что ужин готов, и мы с г-ном Мирахмедовым вышли из той отдельной комнаты, чтобы присоединиться к остальным за столом.
47. Мы сели за стол примерно в 21.20, и сначала открылись финиками и водой, затем мы прочитали молитву Магриб (молитва на закате) и поужинали. Во время поста в Рамадан объем желудка сокращается, за счет чего и уменьшается количество съедаемой пищи. Первая часть ужина была необычайно короткой и длилась около 5 минут. Хотя стол был накрыт обильно и изысканно, из-за краткости ужина мы не смогли в полной мере насладиться разнообразием блюд. Тем не менее атмосфера оставалась благоприятной, а душевные разговоры подчеркивали наши намерения наладить партнерские отношения и углубить знакомство.
48. В присутствии наших жен мы воздерживались от деловых разговоров. Я согласен с г-ном Мирахмедовым (в пункте 16.2 "Мирахмедов 2"), что мы не обсуждали дела в присутствии наших жен; однако он опустил обсуждение, которое мы вели наедине в его кабинете до и после ужина. Я не согласен с ним в том, что существуют какие-либо обычаи или правила, запрещающие обсуждать дела во время Рамадана или до/после ужина Ифтар. Я даже помню, что во время ужина г-н Мирахмедов рассказал поучительную историю о том, как помог бывшему

однокласснику, неожиданно попавшему в трудную ситуацию, и подробно описал, как он ему помог.

49. После ужина мы с г-ном Мирахмедовым опять ушли в отдельную комнату и еще около часа продолжали обсуждать проект по майнингу биткойна.
50. Мы вернулись к вопросам, которые я обсуждал в Казахстане с г-ном Мирахмедовым, г-ном Махат и г-ном Ким (и к некоторым вопросам, которые мы обсуждали с двумя последними без г-на Мирахмедова) и их сотрудниками/помощниками, повторив лишь основные детали и договоренности.
51. Как указано выше, я уже говорил г-ну Мирахмедову, г-ну Махат и г-ну Ким во время наших встреч в мае 2017 года, что я помогу им найти доступный источник энергии, не превышающий 0,04 доллара за кВт/ч, что включало знакомство с владельцами различных электростанций, чтобы они могли договориться о покупке. Я также сообщил им, что владею подстанцией "Сталь", которая может обеспечить транзит дешевой электроэнергии для майнингового проекта. Я повторил эти слова г-ну Мирахмедову. Я сказал ему, что если он, г-н Махат и г-н Ким не смогут договориться о покупке электростанции, то я предоставляю свои активы ("Сталь") в качестве источника энергии для проекта. Таким образом, когда мы с АМ встретились на 27 Ингрэм-авеню, мы уже обсудили и поняли ключевые моменты нашей потенциальной сделки.
52. Главной проблемой г-на Мирахмедова было наличие и доступность электроэнергии для проекта. Он подчеркнул, что без этого проект не будет реализован.
53. Мои заверения относительно энергоснабжения основывались на всестороннем понимании энергетического сектора Казахстана, в котором я проработал 20 лет. Я был осведомлен о фиксированных тарифах, утвержденных антимонопольными органами Казахстана, включая тарифы Карагандинской электростанции (Карагандинская ТЭЦ-3). В ходе бесед с осведомленными сотрудниками антимонопольного ведомства, а также с владельцами и руководителями различных электростанций я был проинформирован о том, что любое потенциальное повышение тарифов на электроэнергию будет незначительным.

54. Поэтому я уверенно гарантировал г-ну Мирахмедову ставку в 7,5 (для Карагандинской ТЭЦ-3) и 8,3 (для остальных электростанций) казахских тенге (на тот момент около 0,024 и 0,027 доллара США, соответственно). Я сказал, что могу подтвердить это контрактом на последующие шесть месяцев – срок, разрешенный регулирующими органами для обеспечения такого тарифа. Я повторил это во время нашей лондонской встречи с г-ном Мирахмедовым, когда я еще раз гарантировал ему эти тарифы для трех электростанций – Карагандинская ТЭЦ-3, КарГРЭС-1 и Согринской ТЭЦ. Мое обещание надежного и экономически эффективного энергоснабжения не было спекулятивным, а основывалось на углубленном знании отрасли. Я знал, что смогу получить этот тариф через "Сталь" (если бы она потребовалась для проекта), поскольку "Сталь" подключена напрямую к поставщику энергии, что позволяет избежать дополнительных расходов, возникающих при непрямом подключении большинства электроподстанций, как объясняется в пункте 22(а) выше.
55. Получив твердые заверения в том, что я смогу обеспечить столь дешевый тариф на электроэнергию, подкрепленные готовностью предоставить мои активы, г-н Мирахмедов остался доволен.
56. Взамен г-н Мирахмедов пообещал мне:
- (a) 35% его, г-на Махат и г-на Ким акций в компании, которая будет создана для совместного предприятия;
 - (b) 35% биткойнов, которые они получают от совместного предприятия; и
 - (c) дополнительную сумму, которая представляла собой разницу между максимальной ценой в 0,04 доллара США за кВт/ч, установленной GM, и фактической ценой, по которой электроэнергия получена для проекта.
57. Мы с г-ном Мирахмедовым пожали друг другу руки в знак того, что достигли соглашения.
58. Мы смогли достичь соглашение в ходе относительно короткой дискуссии, длившейся в общей сложности около 1 часа 10 минут, поскольку мы уже обсудили

ключевые вопросы и контуры нашей сделки в ходе наших предыдущих встреч в Казахстане.

59. Примерно в 22.50 мы с г-ном Мирахмедовым и нашими сыновьями отправились с 27 Ингрэм-авеню в мечеть на Намаз Таравих. Я помню, что г-н Мирахмедов вызвал такси (возможно, "Uber"), чтобы мы успели в мечеть вовремя, и когда мы закончили пить чай, такси уже ждало нас снаружи. Тем временем моя жена осталась в доме с женой г-на Мирахмедова.
60. Когда мы покидали дом г-на Мирахмедова, он также предложил присматривать за моим сыном в Великобритании: пригласил его проводить больше времени с его сыном, готовить их к будущей работе в этом проекте, так как г-н Мирахмедов видел здесь возможности для их будущего профессионального роста. Более того, во время моих бесед с г-ном Мирахмедовым в его доме, о которых говорилось выше, он часто упоминал о наших сыновьях и о том, что наш проект обеспечит нашим сыновьям место для работы, развития и, в конечном счете позволит им управлять бизнесом, и что дивиденды от этого проекта обеспечат достойную жизнь в Великобритании и позволят нашим детям учиться в престижных школах и университетах.
61. В мечети мы прочитали Ишу (пятую и последнюю ежедневную молитву) и совершили Таравих-Намаз (намаз во время Рамадана). Выйдя из мечети, мы вызвали "Uber", который ждали около 15 минут, но который затем отменили из-за большого количества людей, выходящих из мечети после намаза. Поэтому г-н Мирахмедов предложил нам пройти в отель "Landmark" (в котором мы с семьей остановились) пешком, что заняло около получаса в неспешном темпе, и наши сыновья шли за нами, переговариваясь между собой. Тем временем моя жена добралась от дома г-на Мирахмедова до отеля "Landmark" на такси, которое вызвала жена АМ.
62. Во время этой прогулки до отеля "Landmark" мы с г-ном Мирахмедовым обсудили ключевые аспекты нашего сотрудничества. Очень важно было подробно описать и осмыслить этапы развития бизнес-предприятия в Казахстане. Он хотел понять, в какие сроки необходимо провести комплексную экспертизу трех электростанций,

насколько глубоки мои связи с владельцами активов и какова оценка потенциальных затрат на приобретение.

63. Я поинтересовался, кто будет основным контактным лицом для обсуждения деловых вопросов: сам г-н Мирахмедов или г-н Махат. Г-н Мирахмедов ответил, что всеми финансовыми вопросами будет заниматься он сам, а не г-н Махат или г-н Ким. Г-н Ким будет заниматься всеми оперативными аспектами проекта, поскольку он будет работать над ним на условиях полной занятости. Г-н Махат же, в силу своей частичной занятости, ограничит свой вклад административной поддержкой и стратегическим надзором. Г-н Мирахмедов заверил меня, что общение с одним из них равносильно общению со всеми тремя.
64. Когда мы вернулись в отель "Landmark", я сообщил жене и сыну, что в тот день достиг важного соглашения о партнерстве в проекте по майнингу криптовалют в Казахстане, где мне предложили приличную долю. Проект очень перспективный, обещает сразу же стать прибыльным, и что, помимо г-на Мирахмедова, который сегодня предложил мне стать партнером в этом предприятии, в нем участвуют и европейцы, уже имеющие большой опыт в этой сфере.
65. Я также поинтересовался мнением моей жены о поездке. Она высоко оценила наши новые отношения с семьей Мирахмедовых, отметив, что у нас общие ценности и что она очень хорошо поладила с женой г-на Мирахмедова, а также то, что хорошо, что наши сыновья примерно одного возраста.
66. Позже, когда мы вернулись в Казахстан, моя жена высказалась критически по поводу Андрея Ким, передав предостерегающий совет жены г-на Махат, Каролины, которая в частном порядке высказала моей жене свои сомнения по поводу г-на Ким: *"Пожалуйста, посоветуйте Еркему быть осторожным с Андреем Ким, он не заслуживает доверия"*, – предупредила Каролина. Однако я не обратил внимания на ее слова, потому что в то время доверял ММК, особенно г-ну Махат.
67. Именно после того, как я достиг этого соглашения в Лондоне с г-ном Мирахмедовым, я стал называть себя партнером ММК в проекте по биткойн-майнингу. ММК также называли меня своим партнером и в разговорах с другими людьми.

68. О том, что я был партнером ММК по совместному предприятию и имел оговоренную долю прибыли в размере 35% от половины доли ММК, свидетельствует документ, подготовленный в августе 2017 года Вахой Гойговым, сотрудником ММК (о котором ММК в своих свидетельских показаниях говорят как о важном человеке в деле). Этот документ представляет собой модель прогноза прибыли СП ГМ (стр. 3-5) и был отправлен мне по WhatsApp г-ном Гойговым, по просьбе г-н Ким (стр. 6-16). В нем приводится прогноз прибыли и убытков СП ГМ (в левом нижнем углу), который гласит:

P&L расчет общий

Объем инвестиций	36 000 000	USD
Общий hashrate	125,53	PH/s
Прибыль за три года	33,277,544	
Доход КЗ стороны	16,638,772	
Доход КЗ партнера (ЕА)	5,823,570	

- В нем предусмотрено, что "Доход КЗ [Казахстанской] стороны" совместного предприятия составит \$16 638 772, что составляет 50% от предполагаемой прибыли в размере \$33 277 544. Далее в документе указан "Доход партнера KZ (ЕА)", т.е. мои инициалы (мое имя написано по-русски "Ермек Алимов") с цифрой \$5 823 570, что составляет ровно 35% от \$16 638 772 (50% прибыли для казахской стороны). Этот документ подтверждает мою правоту в том, что я был партнером и имел 35% доли ММК в совместном предприятии. Он свидетельствует о том, что у меня, по крайней мере, есть реальные перспективы на успех в этом деле.
69. Я нашел этот документ только при подготовке данных показаний, просматривая сообщения WhatsApp на старом мобильном телефоне. Этот документ не был доступен ни мне, ни моим адвокатам во время подачи моего ходатайства на вручение иска (service out of the jurisdiction). Если бы он был доступен, я бы, естественно, опирался на него и в предыдущих заявлениях.

Ответ на рассказ г-на Мирахмедова о встрече в Лондоне

70. Как видно из моих показаний, приведенных выше, я не согласен с показаниями г-на Мирахмедова о том, что 10 июня 2017 года на 27 Ингрэм-авеню у нас не было никаких деловых переговоров, и с его утверждением, что мы не достигли соглашения. Ниже я комментирую конкретные моменты в его рассказе об ужине в тот вечер.
71. Время и другие подробности вечера, указанные г-ном Мирахмедовым в пунктах 22–29 "Мирахмедов 1", являются неверными.
72. Во-первых, г-н Мирахмедов заявляет, что мы с семьей приехали к нему домой в 21.15. Он утверждает, что мы уже гуляли в центре Лондона и что он освежил в памяти распечатку наших билетов на мюзикл (я тогда отправил ему скриншот билетов). Он говорит, что не знает, ходили ли мы на мюзикл, но если да, то мы должны были уйти в перерыве в 20.50, чтобы добраться до его дома к 21.15: пункты 23–25 "Мирахмедов 1". Однако он знал, что мы не ходили на мюзикл, потому что 9 июня 2017 года он сказал мне в своем сообщении в "WhatsApp", что мы не успеем добраться из театра к нему домой на Ифтар, и я ответил, что мы не пойдем на мюзикл, а вместо этого придем на ужин.
73. Г-н Мирахмедов мог бы легко вспомнить это, проверив свои сообщения в "WhatsApp" перед дачей свидетельских показаний. В "Мирахмедов 1" он не упоминает сообщения – только в показаниях "Мирахмедов 2", которые были подготовлены после того, как он увидел, что я и мои адвокаты ссылались на эти сообщения при составлении моего ходатайства о разрешении на вручение иска (прилагается к "Яцуха 1").
74. Меня удивляет, что г-н Мирахмедов мог искренне верить в то, что мы могли пойти на первую половину мюзикла в театре Вест-Энда, а затем уйти в перерыве в 20.50 и добраться до его дома (в Хампстед Гарден Саберб) к 21.15 (как он говорит в пункте 25 "Мирахмедов 1"), когда он сам написал в своем сообщении "WhatsApp", что мы не успеем добраться из театра к Ифтару.
75. В пункте 29 "Мирахмедов 1" г-н Мирахмедов утверждает, что мы поехали в мечеть на Таравих, который начался в 22.33. Он сам не помнит, когда мы покинули его

дом, но говорит, что сейчас проверил, что время в пути составляет около 25 минут, и поэтому *"мы должны были уехать примерно в 21.55"*. Однако он прилагает ("АМ1", стр. 61) расписание молитв в Рамадан на 2017 год (из мечети Восточного Лондона), из которого следует, что Иша и Таравих проходили в мечети в 23.00, а не в 22.33, как он говорит. Это соответствует моим воспоминаниям о том, что мы пришли в мечеть на Ишу и Таравих к 23.00.

76. Из его показаний следует, что я и моя семья провели в его доме всего 40 минут (с 21.15 до 21.55), которых хватило только на ужин. Это неверно, поскольку мы находились там более двух часов (с 20.40 до 22.50). Он не упоминает о наших с ним деловых разговорах в отдельной комнате в доме до и после ужина. Он также не упоминает о нашей совместной прогулке от мечети до отеля "Landmark", ни о нашем разговоре во время прогулки.
77. Г-н Мирахмедов утверждает (в пунктах 30–31 "Мирахмедов 1"), что абсурдно заявлять, что он передал бы 35% принадлежавшего ему бизнеса. Он не упоминает ряд важных моментов:
- (a) В то время не было никакого бизнеса: только потенциальный проект с GM, для которого ММК должны были найти дешевый источник энергии, а они не смогли этого сделать. Без этого дешевого источника энергии проект не мог быть реализован. Без преувеличения, я был последней надеждой ММК для того, чтобы реализовать этот проект в Казахстане и не разочаровать GM. В результате они предложили мне щедрые условия партнерства, если я смогу найти дешевый источник энергии – либо путем покупки электростанции, либо за счет использования моих энергетических объектов.
 - (b) Г-н Сатыбалды рекомендовал меня им как человека, который мог бы обеспечить им этот источник энергии, познакомив с владельцами электростанций.
 - (c) Я провел обстоятельные переговоры с г-ном Махат и г-ном Ким в Казахстане во время пребывания г-на Мирахмедова в Великобритании (но с его одобрения), и в ходе переговоров были рассмотрены основные моменты нашей потенциальной сделки. Я познакомил их со своей командой экспертов-энергетиков, и ММК (включая г-на Мирахмедова) утвердили их

кандидатуры для проведения оценки потенциальных электростанций и дальнейшего управления этими активами.

- (d) В конечном итоге я все-таки обеспечил им дешевый источник энергии для майнинга биткойна, предоставив "Сталь" (это произошло позже). "Сталь" используется предприятиями GDA и по сей день. Однако, как я объясню ниже, "Сталь" и Здания АБК были переданы по цене гораздо ниже их реальной стоимости. Это произошло потому, что я не продавал их по рыночной стоимости, а лишь передал их по бухгалтерской балансовой стоимости, поскольку был партнером в этом предприятии. (Я не получил рыночную стоимость за то, что передал "Сталь" в пользу GDA— их первый энергетический актив в Казахстане и ядро всех их операций).

78. В пункте 32 "Мирахмедов 1" г-н Мирахмедов утверждает, что он никогда бы не заключил такое соглашение, не согласовав соответствующие условия, не получив юридическую консультацию и не зафиксировав условия в соглашении акционеров. Однако:

- (a) в Казахстане, особенно среди бизнесменов "старой школы", принято считать, что сделка заключается на основе джентльменского соглашения без каких-либо письменных договоров. Иногда между ними подписываются документы, но только для того, чтобы убедиться, что активы передаются в соответствии с законом. Сами ММК утверждают, что заключили со мной устное соглашение о выплате мне 1,6 миллиона долларов США в биткойнах в качестве так называемой "комиссии". Я согласен, что у меня было с ними устное соглашение, но это было Лондонское соглашение на вышеуказанных условиях, а не соглашение о выплате комиссии.
- (b) Г-н Мирахмедов не управлял предприятием так формально, как он описывает. Как я объясняю ниже, я потратил месяцы, гоняясь за ММК, особенно за г-ном Ким, чтобы получить документы, подтверждающие мою долю в совместном предприятии, и акции совместного предприятия, но мне постоянно отказывали. В то время я не знал, но позже узнал из документов, полученных моими адвокатами, что г-н Мирахмедов зарегистрировал GDA на Кипре 15 июня 2017 года (**стр. 17-20**) (всего через пять дней после нашей

встречи в Лондоне). Однако и г-ну Махат, и г-ну Ким он передал акции только 30 сентября 2020 года (а г-ну Стренгу и г-ну Крону из GM – только 14 мая 2020 года). Фабрика по майнингу биткойна, расположенная на подстанции "Сталь" и в Зданиях АБК, работала с декабря 2017 года, однако г-н Мирахмедов не оформлял отношения с г-ном Махат и г-ном Ким в течение почти трех лет. До получения акций г-н Махат и г-н Ким, должно быть, действовали на основе доверия к г-ну Мирахмедову, что он даст им акции GDA. Я действовал на том же основании, но г-н Мирахмедов не оправдал этого доверия.

79. ММК и их адвокаты заявили, что мой рассказ об ужине на 27 Ингрэм-авеню и Лондонском соглашении выдуман, потому что мои адвокаты не включили его в претензионное письмо, когда отправляли его 24 июня 2022 года (за год до того, как я предъявил иск). Это неправда; ужин прошел так, как я описал выше, и г-н Мирахмедов и я заключили Лондонское соглашение.
80. В претензионном письме я излагаю факты, касающиеся моей договоренности с ММК относительно проекта по майнингу биткойна с использованием подстанции "Сталь" и Зданий АБК (вместе с двумя другими проектами, базирующимися на Согринской электростанции и КарДОК, что описывается ниже в пунктах 139–149, не включенными в мой иск). В претензионном письме я заявляю те же условия и те же доли в проекте АБК, что и в РИЗ и выше (35% от доли ММК, 35% от получаемых ими биткойнов и разница между затребованным GM тарифом на электроэнергию и фактической ценой электроэнергии для проекта). В претензионном письме я намеревался лишь обобщить фактические обстоятельства, связанные с тремя проектами. Я не указал, что соглашение по проекту АБК было заключено в Лондоне, потому что не ожидал, что место достижения соглашения будет иметь значение. Я вообще не ожидал, что ММК будут оспаривать юрисдикцию. Насколько мне было известно, г-н Мирахмедов жил в Лондоне (и мои адвокаты отправили письмо на его лондонские адреса). Я к тому моменту тоже жил в Лондоне, и поэтому я предположил, что дело будет рассматриваться в Лондоне. И только после того, как я увидел ответы Ответчиков на претензионное письмо, в которых они оспаривали юрисдикцию более активно,

чем фактическую сторону дела, я понял, что тот факт, что соглашение по проекту АБК было достигнуто в Лондоне, имеет значение.

Ответ на показания г-на Махат и г-на Ким о Лондонском соглашении

81. Г-н Махат и г-н Ким не присутствовали на встрече в Лондоне 10 июня на Ингрэм-авеню, 27, и поэтому они не могут комментировать то, что было сказано между мной и г-ном Мирахмедовым.
82. Они утверждают, что даже если г-н Мирахмедов и достиг соглашения со мной, он не действовал от их имени и не связывал их (пункт 37 "Махат 1"; пункты 20–24 "Ким 1"). Однако, судя по моим наблюдениям и исходя из того, что мне о них рассказывали, это не является истинным отражением их отношений.
83. Во-первых, только г-н Мирахмедов финансировал совместное предприятие, а не г-н Махат и г-н Ким, и поэтому именно он принимал окончательное решение. Г-н Махат и г-н Ким получили долю в бизнесе только потому, что они были главными деловыми партнерами г-на Мирахмедова и он согласился предоставить им долю, а не потому, что они внесли какие-либо собственные средства. Вначале они не вложили в совместное предприятие ни копейки, ни за "Сталь" ни Здания АБК (или, тем более, за предприятие на Согринской ТЭЦ, о котором я расскажу ниже).
84. Я же предоставлял свои знания и опыт и обещал внести свои активы, как я и сделал позже, предоставив "Сталь" и Здания АБК в обмен на долю в бизнесе. Если бы я не согласился помочь ММК и вступить с ними в партнерство, проект не состоялся бы, поскольку у них не было бы источника энергии.
85. Во-вторых, сам г-н Мирахмедов сказал мне 10 июня 2017 года, что он действует от имени "всех братьев", т.е. г-на Махат и г-на Ким, и что общение с одним из них равнозначно общению со всеми ними. Он также уполномочил их вести от его имени переговоры со мной и моей командой в Казахстане в мае 2017 года, пока он находился в Великобритании.
86. В-третьих, ММК работали в одном офисе в Астане, и г-н Мирахмедов рассказывает, что с 2018 года они втроем работали из одного офиса в Дубае (пункт 13 "Мирахмедов 1"). В период моего общения с ними они действовали как

три партнера в одном бизнесе. В своих свидетельских показаниях г-н Мирахмедов и г-н Ким используют слова "мы", "нас" и "наш" для обозначения всех троих вместе (пункт 13 "Мирахмедов 1"; пункт 12 "Ким 1").

87. В-четвертых, хотя г-н Махат утверждает, что казахское законодательство придерживается *"формалистичного и строгого"* взгляда на заключение соглашений и что соглашение должно было быть оформлено в письменном виде, как говорилось выше, я отмечаю, что, как указано выше: (а) сам г-н Махат утверждает, что он заключил со мной устное соглашение о выплате мне 1,6 миллиона долларов США в биткойнах в качестве "комиссионных", причем это соглашение никогда не оформлялось в письменном виде, но он утверждает, что оно было выполнено; и (b) г-н Махат получил свои акции в GDA только в сентябре 2020 года, но с декабря 2017 года действовал как партнер в этом предприятии без каких-либо документов и на основе доверия к г-ну Мирахмедову.
88. В-пятых, г-н Ким признал, что я являюсь партнером, когда поручил своему сотруднику, г-ну Гойгову, отправить мне документ о модели прибыли, упомянутый в п. 68 выше, в котором говорилось о выплате "Дохода КЗ партнера (ЕА)" с долей прибыли 35%, то есть мне (стр. 3-5).
89. В-шестых, я больше всего общался с г-ном Ким, как с партнером который полностью отвечал за деятельность предприятия. Он признал, что я являюсь партнером предприятия и стану его акционером. Например, в своем сообщении в "Telegram" от 16 февраля 2018 года (стр. 28-29) он сказал (в его собственном переводе):

"Потом брат мы все нкоформленны нигде, ты же видишь сам, от тебя же нечего не скрываем. Неужели ты думаешь что кто то из нас кого то кидать собирается? "

"Брат, это не ЕГО [г-на Мирахмедова] сделка, это наша сделка. Я считаю его предложения [предложения] были супер, он полностью все оплачивает

несмотря ни на что, и мы становимся акционерами, где сейчас есть люди такой широкой души??" [выделено мной].

90. В пункте 67 "Ким 1" г-н Ким пытается объяснить однозначный смысл своих слов *"мы становимся акционерами"* в том сообщении как означающий, что он, г-н Махат и г-н Мирахмедов стали акционерами в сделке, но не я стал одним из них. Но очевидно, что смысл этих слов не таков. Если бы я не должен был стать акционером, г-ну Ким было бы неуместно говорить мне, что они становятся акционерами.
91. Г-н Ким пытается оспорить полученный мною перевод этих сообщений (**стр. 21-35**). Большинство отмеченных им спорных моментов перевода не имеют отношения к делу и не меняют смысла слов. Я допускаю, что в переводе, приложенном к претензионному письму, была одна существенная неточность, заключающаяся в том, что вместо русских слов, переведенных как *"мы являемся акционерами"*, должно быть *"мы становимся акционерами"*. Однако это уже было исправлено в цитате из указанного сообщения в пункте 50 РИЗ и в пункте 67 "Яцуха 1", и я исходил из этого исправленного перевода, совпадающего с переводом г-на Ким.
92. Однако стоит отметить, что в его переводе допущена серьезная ошибка, которая делает перевод неточным, а его ссылка на него вводит в заблуждение. В пункте 68 "Ким 1" он ссылается на свое сообщение, отправленное в 20:06, утверждая: *"Я сказал, что мне удалось убедить "моих партнеров", а не, например, "наших партнеров"*. Однако в русском оригинале этого сообщения нет слова *"мои"*, а есть просто *"партнеры"*.
93. На самом деле, в другом своем сообщении, встречающемся ранее в той же цепочке (**стр. 24-25**), он на самом деле написал мне, что проконсультировался с *"нашими партнерами"* и вообще рассматривает меня как партнера по предприятию. В этих сообщениях говорится:

Андрей Ким: [00.28] *"Брат потом встречались с наши [нашими] партнерами,обсуждали наши дела, сейчас с поставкой оборудования есть проблемы, задержки у производителя, и поэтому они со своей стороны*

предложили что за свои 50% в Согра они заплатят абдуль малику 4 млн \$, чтоб абдуль Малика риски разделить. Я у них спросил, как вариант рассматривают ли они выкуп доли больше чем 50%? Они сказали что да. Мы с рашифом думаем над этим предложение. Имей в виду брат.

Ермек Алимов: [00.29] "Понял. Что это значит для нас?"

Андрей Ким: [00.36] "что если мы захотим, то можем выскочить за 1 млн исходя из оценки 8. И то что если захотим дальше в тематику фабрики уходить, то надо будет в оборудование вкладываться. Но оборудование появится не раньше лета в продаже.

Ермек Алимов: [00.37] "Понял. Я подумал, что они уже не верят в Казахстан..."

Судя по контексту, ссылка на "наших партнеров", по-видимому, относится к GM как к другому 50-процентному партнеру предприятия. Примечательно, что г-н Ким включил и меня, говоря о GM как о "наших" партнерах, и попросил меня подумать, хочу ли я выкупить 50-процентную долю GM вместе с ним и г-ном Махат. Это явно указывало на то, что я являюсь партнером в бизнесе вместе с ними. Я ответил: "Что это значит для нас?", объединив себя с ММК. Г-н Ким не стал спрашивать, почему я так поступил, но в ответе написал "мы захотим". Он явно считал меня партнером вместе с ним, г-ном Мирахмедовым и г-ном Махат.

С. РАЗВИТИЕ ПРОЕКТА ПО МАЙНИНГУ БИТКОЙНА

94. После встречи с г-ном Мирахмедовым в Лондоне я познакомил ММК с владельцами электростанций в Казахстане и помог организовать экспертизу, поручив ее команде специалистов. На тот момент были доступны три электростанции: КарГРЭС-1, Риддерская ТЭЦ и Согринская ТЭЦ.
95. Я познакомил г-на Мирахмедова, г-на Махат и г-на Ким с владельцем электростанции "КарГРЭС-1" в Караганде. Г-н Мирахмедов признает, что летом того года они втроем ездили со мной и командой экспертов в Караганду, чтобы посмотреть потенциальную площадку (пункт 16(2) в "Мирахмедов 1").

96. Я также познакомил их с представителем владельца Риддерской ТЭЦ. Я отправил г-ну Ким по электронной почте информацию о Риддерской ТЭЦ, которую я получил от моей группы экспертов-энергетиков (г-на Аббас, г-жи Каплуновской и г-на Исмаил) (**стр. 36-40**).
97. Г-н Мирахмедов и г-н Махат лично вели переговоры о покупке двух электростанций – КарГРЭС-1 и Риддерской, – но к июлю 2017 года они так и не добились успеха.
98. После провала этих переговоров ММК попросили меня лично провести переговоры по оставшейся электростанции, Согринской ТЭЦ, поскольку я был в хороших личных отношениях с бенефициарным собственником станции, г-ном Идрисовым (а ММК – нет). Эти переговоры заняли много времени (они увенчались успехом только в октябре 2017 года, о чем я рассказываю ниже).

Использование "Сталь" и Зданий АБК для проекта

99. Тем временем к июлю 2017 года ММК, как я полагаю, приближались к крайнему сроку, назначенному GM для приобретения источника энергии и места для помещения по майнингу биткойна, и СП GM оказалось под угрозой. Согласно Лондонскому соглашению, я гарантировал, что, если ММК не найдут дешевый источник энергии, я предоставлю свои активы – "Сталь" и Здания АБК – для запуска криптофермы. Именно так я и поступил.
100. К концу июля 2017 года между мной и ММК уже было определено, что мы будем использовать мои активы (Сталь и здания АБК) для СП GM. Об этом свидетельствует, например, электронная таблица активов и затрат для СП GM, которую г-н Ким подготовил для отправки в GM и которую он отправил мне по электронной почте 23 июля 2017 года (**стр. 74-77**), в одной из строк которой упоминается "объект Алимова Е" как актив совместного предприятия, то есть ссылка на Сталь и здания АБК. (В этой электронной таблице стоимость этого объекта указана как 16 миллионов долларов США и говорится, что он был куплен у меня. Это неверно. Он не был куплен у меня; это был мой вклад в совместное предприятие, как было оговорено в Лондонском соглашении, и 16 миллионов долларов - это завышенная стоимость активов, как утверждают все стороны в своих показаниях. Я подозреваю, что г-н Ким ввел эту ложную информацию о

покупке за 16 миллионов долларов, чтобы обеспечить эквивалентный уровень инвестиций со стороны GM, как другого 50-процентного участника СП GM. Однако в электронной таблице четко указано, что использовались именно мои активы).

101. Я владел подстанцией "Сталь" и Зданиями АБК через компанию ТОО "Темирши", где я был конечным бенефициарным собственником, владея 90% доли, а остальные 10% принадлежали семье Скопенковых. Эти активы должны были быть переданы и в последствии были переданы компании "ККС Караганды", конечным бенефициарным собственником которой на 100% являлся я.
102. Как указано выше, в марте 2017 года (за два месяца до моей встречи с ММК) "ККС Караганды" уже достигли предварительного соглашения о продаже подстанции "Сталь" и завода "Вторпром" (стр. 41-56). Соглашение было завизировано, но не было подписано. С марта 2017 года "ККС Караганды" продолжала вести переговоры с "Ниа Тун", в результате которых было подписано соглашение 13 Июня 2017 года (стр. 57-73). Однако, это было предварительным соглашением, и я понимал, что смогу вывести "Сталь" из сделки, если это будет необходимо. Соглашение 13 Июня 2017 года было подписано, чтобы не сорвалась полностью вся сделка, в первую очередь по продаже активов "Вторпром". "ККС Караганды" отставали от графика передачи этих активов "Ниа Тун" и выставления счетов на оплату. В июне и июле здания находились в процессе передачи "Ниа Тун", а "Ниа Тун" осуществлял платежи в адрес "ККС Караганды", однако я специально не передавал "Сталь" в Ниа Тун.
103. Я рассказал ММК, какой стадии достиг процесс продажи компании "Ниа Тун". ММК попросили меня расторгнуть договор с "Ниа Тун" без неустоек или штрафов, которые "Ниа Тун" могли бы потребовать из-за разрыва сделки. В связи с этим – я, в частности, обсудил это с г-ном Ким, – и было решено применить форс-мажорную оговорку, содержащуюся в договоре между "Ниа Тун" и "ККС Караганды". Соответствующее письмо было направлено "Ниа Тун" 31 июля 2017 года. (Комментарии г-на Ким к этому письму (пункты 30–33 "Ким 1") неверны; причины, указанные в письме, были предлогом, чтобы оправдать наши попытки перезаклучить сделку, как ему было тогда известно).

104. После вручения письма я попросил представителей "Hua Tun", являвшихся гражданами Казахстана, участвовавшими в проекте (связанном с покупкой подстанции "Сталь" и завода "Вторпром"), оказать содействие в расторжении договора. Взамен я предложил им свою квартиру в Астане, которую я приобрел для своего сына, свой черный Mercedes-Benz S500 W222, наличные деньги, а г-н Махат также предложил им свой белый Mercedes-Benz S500 W222. Впоследствии г-н Ким, который не участвовал в этих подарках, предложил мне в качестве компенсации свою квартиру, чтобы я мог подарить ее своему сыну. В результате 14 ноября 2017 года г-н Ким оформил перевод своей квартиры на имя моей жены, как следует из договора на **странице 78-83** (законным владельцем этой квартиры был Геннадий Антонович Ким, который, как я понимаю, являлся родственником г-на (Андрея) Ким, третьего ответчика, который был бенефициарным владельцем квартиры).
105. "Hua Tun" согласились пересмотреть условия сделки, и "Сталь" была исключена из нее, а первоначальная цена продажи была уменьшена на 2,5 миллиона долларов США, так что завод "Вторпром" и связанные с заводом административные здания были проданы за 5 миллионов долларов. Это было зафиксировано в новой редакции договора от 21 ноября 2017 года (**стр. 84-88**).
106. Подстанция "Сталь" и Здания АБК находились в ненадлежащем состоянии и требовали ремонта и инвестиций для целевого использования, о чем я уже сообщал ММК. Ремонтные работы на подстанции "Сталь" и в Зданиях АБК проводились с августа по декабрь 2017 года. Г-н Ким и я осуществляли общий надзор за работами, а на местах их контролировали мой брат Айдын Алимов (на то время директор "Темирши", руководивший "Сталь" и заводом "Вторпром") и Арман Наурзалиев (директор "ККС Караганды"), и они описывают их более подробно в своих свидетельских показаниях.
107. У ММК не хватало средств на оплату всех работ, и я оплатил половину требуемой суммы (из средств, поступивших от продажи завода "Вторпром" и полученных мной от "Hua Tun"). ММК выплатили мне деньги – после многократных напоминаний – в период с декабря 2017 года по апрель 2018 года, используя биткойн, сгенерированный СП GM.

108. В декабре 2017 года заработала фабрика по майнингу биткойна, расположенная в Зданиях АБК и использующая "Сталь" в качестве источника энергии, напрямую подключенного к электростанции "Карагандинская ТЭЦ-3". Проект, который мы называли "Проект АБК", начал генерировать биткойн. ММК и по сей день используют эти помещения на этой земле с помощью "Сталь".

Структура собственности подстанции "Сталь" и Зданий АБК

109. Г-н Махат и г-н Ким неверно рассуждают о праве собственности "ККС Караганды" на "Сталь", утверждая, что "Караганды" перепродала "Сталь", купив ее только в феврале или июне 2017 года, а затем быстро продав ее "Hua Tun" (пункт 33 в "Ким 1"), и что я не владел подстанцией "Сталь" в то время (пункт 37(j) в "Махат 1"). Это не соответствует действительности и вводит в заблуждение.
110. Как уже говорилось выше, первоначальным корпоративным владельцем подстанции "Сталь", завода "Вторпром" и Зданий АБК была компания "Темирши". Я являлся бенефициарным собственником 90% доли компании "Темирши". Остальные 10% принадлежали семье Скопенковых; у меня был с ними спор, поскольку вдова и дочь первоначального акционера (который погиб в автокатастрофе) отказывались продавать мне свою долю, оспаривали тот факт, что перед гибелью первоначального акционера я заключил с ним предварительное соглашение на покупку его доли. Также возникли проблемы в связи с наследованием его семьей его доли после его гибели.
111. В 2016 и 2017 годах я договорился о продаже подстанции "Сталь" и завода "Вторпром" в компанию "Hua Tun". Я был обеспокоен тем, что споры с миноритарными собственниками "Темирши" создадут трудности при продаже активов напрямую от "Темирши" в пользу "Hua Tun". Поэтому я организовал передачу имущества "Темирши" компании "ККС Караганды", бенефициарным собственником которой я являлся на 100%, чтобы облегчить продажу в пользу "Hua Tun". Передача была осуществлена исключительно для целей продажи.
112. Таким образом, я всегда являлся конечным бенефициарным собственником подстанции "Сталь", завода "Вторпром" и Зданий АБК, а передача была осуществлена просто между одной корпоративной структурой ("Темирши", в которой я являлся бенефициарным владельцем на 90%) и другой ("ККС

Караганды", в которой я являлся бенефициарным владельцем на 100%). Имущество было передано от "Темирши" к "ККС Караганды" по бухгалтерской стоимости (которая учитывала долг, возникший в связи с ремонтными работами на объектах), а не по рыночной стоимости. Более подробно об этом говорится в свидетельских показаниях моего брата, Айдына Алимова (который управлял деятельностью на подстанции "Сталь" и на заводе "Вторпром"), и г-на Наурзалиева (директора "ККС Караганды").

Передача подстанции "Сталь" и Зданий АБК компании "Prima Investment"

113. Где-то в январе 2018 года я сообщил ММК, что существует риск того, что бывшие миноритарные собственники "Темирши" могут инициировать судебное разбирательство против "ККС Караганды" с целью заявить претензии на "Сталь" и Здания АБК и могут использовать эти разбирательства для вымогательства у нас денег.
114. Г-н Махат и г-н Ким попросили меня передать "Сталь" и Здания АБК в "Prima Investment", принадлежащей г-ну Махат компании до создания надлежащей корпоративной структуры для СП GM. В результате г-н Махат и г-н Ким заявили, что открытая "продажа" активов в пользу компании "Prima Investment" защитит активы от этих потенциальных исков, поскольку по законодательству Казахстана "Prima Invest" будет являться "добросовестным приобретателем" и истребовать у нее активы обратно будет невозможно. Я согласился с этим, и, следовательно, было решено передать "Сталь" и Здания АБК от "ККС Караганды" в пользу "Prima Investment" по номинальной стоимости, которая рассчитывалась по бухгалтерской стоимости или близкой к ней; а не по рыночной стоимости
115. 22 января 2018 года "Сталь" была передана "Prima Investment" за 53 миллиона тенге, что эквивалентно 159 000 долларов США, а 24 января 2018 года были переданы Здания АБК за 285 миллионов тенге, что эквивалентно 855 000 долларов США (стр. 89-115). Эти суммы были установлены без каких-либо переговоров между мной и ММК (или между компаниями), поскольку это была не настоящая продажа, а просто передача активов для использования совместным предприятием. В отличие от этого, когда я вел переговоры о продаже с компанией Hua Tun, я вел

переговоры о цене и добился реальной рыночной цены в 2,5 миллиона долларов за "Сталь".

116. Эти меры предосторожности оказались оправданными, поскольку 15 Февраля 2018 миноритарные владельцы "Темирши" обратились в суд с иском о признании недействительной передачи активов от "Темирши" к KKS Караганды (стр. 278), а также других решений и получили решение от 05 мая 2018 года частично в свою пользу (стр. 116-134) о признании недействительными некоторых решений. Суд также удовлетворил встречный иск о признании недействительными некоторых действий Скопенковых. В РИЗ (пункт 40) я указал, что судебный иск уже был подан в момент передачи активов в "Prima Investment" 24 и 26 января 2018 года. Сейчас я нашел исковое заявление и вижу, что оно датировано 15 февраля 2022 года, вскоре после передачи; в январе 2018 года я предполагал, что иски, скорее всего, будут поданы, о чем и сообщил ММК (как объяснено в пункте 113 выше).
117. Г-н Ким получил это решение и передал его г-ну Махат, о чем г-н Ким сообщил мне в сообщении WhatsApp 29 августа 2018 года, назвав решение (с иронией) "сюрпризом" (стр. 135-140). Г-н Махат утверждает (Махат 1, п. 48), что в то время он не знал об этих судебных исках, касающихся "Сталь" и зданий АБК, но, похоже, ошибается, поскольку, как сказал мне г-н Ким, судебное решение было направлено г-ну Махат в августе 2018 года.
118. Доводы ММК о том, передача активов от «ККС Караганды» в «Prima Invest» являлись продажей по рыночной стоимости, мне непонятны. Они не объясняют, почему я должен был аннулировать контракт с "Hua Tun" и отказаться от предложения компании приобрести "Сталь" за 2,5 миллиона долларов, а затем вскоре после этого продать ее ММК за 159 000 долларов США. Даже с учетом 1,75 миллиона доллара США в биткойнах, которые ММК заплатили мне и которые, как они утверждают, были якобы "брокерской комиссией" за продажу подстанции "Сталь" (на самом деле это была часть моей доли прибыли в биткойнах), это все равно намного меньше, чем предложение "Hua Tun".
119. "Сталь" — это крупная электроподстанция 110/10, обеспечивающая транзит электроэнергии, поэтому невозможно представить, чтобы ее рыночная стоимость могла составлять всего 159 000 долларов США. Цена на "Сталь" была обусловлена

ее стратегическим расположением и потенциалом, который она открывала. В частности, "Сталь" была очень важна для ММК как лучший источник энергии для СП GM. Если бы я действительно продавал "Сталь" по рыночной стоимости независимому контрагенту, я бы требовал за нее как минимум 2,5 миллиона долларов США, которые мне предложил "Hua Tun", а возможно, и больше, учитывая ее особую важность для ММК.

120. Г-н Ким утверждает (пункты 37–40 "Ким 1"), что продажа не была осуществлена по заниженной стоимости, поскольку "Сталь" и Здания АБК находились в плохом состоянии и требовали значительных ремонтных работ и инвестиций. Это правда, и ММК было хорошо известно, что оба объекта находились в неоптимальном состоянии (они их осматривали и контролировали ремонтные работы), но это не означает, что сумма, за которую они были переданы, т.е. 159 000 долларов США, была их рыночной стоимостью. Для сравнения, состояние завода "Вторпром" было хуже, чем у подстанции "Сталь" и Зданий АБК, о чем свидетельствуют прилагаемые фотографии завода "Вторпром" до его передачи "Hua Tun" (**стр. 141-214**), и, кроме того, завод "Вторпром" не функционировал, в отличие от подстанции "Сталь". Тем не менее "Hua Tun" приобрели Завод за 5 миллионов долларов США.
121. Г-н Ким также утверждает (пункты 45–49 "Ким 1"), что цены передачи были реальной рыночной стоимостью, поскольку они лишь незначительно превышали цены, по которым "Темирши" передали эти активы "ККС Караганды" в 2017 году. Однако это доказывает обратное. Как я объяснил выше, передача активов от "Темирши" к "ККС Караганды" была внутренней передачей между двумя компаниями, которыми я владел, чтобы облегчить продажу "Hua Tun", и эти передачи также были осуществлены по номинальной бухгалтерской стоимости, а не по рыночной. Тот факт, что очень близкая сумма была установлена за передачу от "ККС Караганды" в "Prima Investment", показывает, что эти переводы также были осуществлены по номинальной стоимости. Если бы активы продавались по рыночной стоимости, то их стоимость была бы гораздо выше.
122. Показания г-на Кима о том, что указанные суммы, составляющие около 1 млн долл. за "Сталь" и здания АБК, были рыночной стоимостью активов, прямо противоречат его модели подготовленной для GM в 2017 году о том, что стоимость

этих активов составляла 16 млн долларов США (как показано в его электронной таблице, которую он направил мне 23 июля 2017 года (**стр. 74-77**)). Как я уже говорил в п. 97 выше, стоимость в 16 миллионов долларов США была завышена, и я подозреваю, что это было сделано г-ном Кимом, чтобы добиться от GM такого же уровня финансирования. Это свидетельствует о том, что заявления г-на Кима об этих активах и их стоимости ненадежны, и он будет менять свою позицию в зависимости от того, что его устраивает в конкретной ситуации.

123. Тот факт, что передача этих активов "Prima Investment" была осуществлена по балансовой, а не реальной рыночной стоимости, подтверждается свидетельскими показаниями г-на Наурзалиева (директора "ККС Караганды"), Шолпан Сояевой (бухгалтера и номинального представляющего меня акционера, владевшего акциями "ККС Караганды" от моего имени) и моего брата Айдына Алимова.
124. Г-н Ким также утверждает, что я "перепродал" Здания АБК, то есть, я полагаю, он имеет в виду, что я купил их и быстро продал. Он говорит, что "ККС Караганды" стали их формальными владельцами только 12 января 2018 года, за 12 дней до их передачи "Prima Investment" (пункт 34 "Ким 1). Я не перепродавал эти здания. Здания АБК (примыкающие к подстанции "Сталь") перешли от "Темирши" к "ККС Караганды" только в январе 2018 года (для целей передачи "Prima Investment"), потому что эти Здания АБК не были частью сделки купли-продажи с "Hua Tun" и поэтому не были ранее переведены в "ККС Караганды". ("Hua Tun" собирались покупать только административные здания, связанные с заводом "Вторпром", а не прилегающие к подстанции "Сталь", и поэтому не было необходимости заранее передавать здания, примыкающие к подстанции "Сталь"). Повторюсь: это были внутренние переводы между моими компаниями перед передачей компании "Prima Investment". Я был конечным бенефициарным владельцем Зданий АБК во все времена до их передачи "Prima Invest" (когда они принадлежали как "Темирши", так и "ККС Караганды"). Г-н Ким также знал, что я владел этими активами в июле 2017 года, поскольку он сообщил GM, что это был мой объект в его электронной таблице, которую он им отправил (**стр. 74-77**). В связи с этим он не может искренне верить в свои домыслы о том, что я "перепродал" активы в январе 2018 года и не владел ими до этого.

Выплаты биткойнов ММК

125. Я получал всю информацию о проекте АБК и работе СП GM на встречах, в которых я участвовал вместе с некоторыми или всеми представителями ММК и на которых мы обсуждали Проект. Например, мне была представлена презентация, в которой ММК консультировался с поставщиком корпоративных услуг по поводу регистрации компании в качестве структуры проекта АБК в ОАЭ, которой владеет оффшорная структура (**стр. 215-221**).
126. В декабре 2017 года, как только Проект АБК начал работать, мы с г-ном Ким смогли рассчитать "дополнительную сумму", причитающуюся мне по Лондонскому соглашению, представляющую собой разницу между максимальной ценой электроэнергии GM (0,04 доллара США за кВт/ч) и фактической ценой, которую необходимо было заплатить за электроэнергию, поставляемую на Проект с Карагандинской электростанции через "Сталь". Мы с г-ном Ким подсчитали, что фактическая цена электроэнергии составляла 0,024 доллара США за кВт/ч; таким образом, разница составляла 0,016 доллара США за кВт/ч, и мне причиталась эта сумма за каждый кВт/ч электроэнергии, поставленный через "Сталь".
127. С января 2018 года г-н Ким начал переводить биткойны, созданные Проектом АБК (используя мои активы "Сталь" и Здания АБК для майнинговой фабрики). Итоговые суммы указаны в приложении к РИЗ. Это приложение основано на данных сверки биткойнов, подготовленной г-ном Ким и переданной им Ерлану Исекешеву и Бейбуту Копбаеву, с которыми г-н Ким встретился в отеле "Radisson". После встречи с г-ном Ким, Ерлан Исекешев и Бейбут Копбаев передали этот документ Айдыну Алимову, в его офисе. Айдын Алимов, в свою очередь, сфотографировал документ и отправил его мне (**стр. 222-227**). Как только я получил документ, я его распечатал и внизу написал "*Получено от Андрея К 13.05.2018 (Radisson)*" и подписал его, как я часто делаю, чтобы подтвердить получение документа. Я также помню как Ерлан Исекешев позвонил мне и сказал, что г-н Ким попросил его и Бейбута Копбаева никому не показывать этот документ, особенно мне.
128. Цифры в этом документе по выплаченным мне биткойнам также совпадают с биткойнами, которые я получил на свой биткойн-кошелек, распечатки которого

приводятся на **страницах 228-239**. По моим подсчетам, общая сумма, полученная от ММК, составила 226 биткойнов, что на тот момент равнялось 1,687 миллиона долларов США (конвертация каждого платежа в доллары на тот момент содержится в моем биткойн-кошельке).

129. Г-н Ким отрицает подготовку таблиц и их передачу мне: в пункте 72 "Ким 1". Как я уже объяснял выше, г-н Ким действительно подготовил их (или поручил кому-то подготовить их для него) и передал эти выписки Ерлану Исекешеву, который передал их моему брату. Г-н Ким не признает подпись внизу, но это потому, что это моя подпись. Как указано выше, я поставил подпись и написал, что они были получены от г-на Ким 13 мая 2018 года в отеле "Radisson"), добавив надпись и подпись внизу.
130. В январе и феврале 2018 года, что, согласно электронной таблице, оплаты составляли 35% от биткойнов, полученных ММК от проекта АБК. Это было точно рассчитано для каждого платежа: например, в таблице указано, что (а) 19 января мне было выплачено 9,0889 биткойна, 35% от 25,968 биткойна, полученного ММК; (b) 27 января – 19,98 биткойна, 35% от 57,1 биткойна, полученного ММК; (с) 31 января – 7,6 биткойна, 35% от 21,89 биткойна, полученного ММК, и так далее.
131. После марта 2018 года фиксировалась сумма причитающихся мне биткойнов, а иногда и сумма биткойнов, полученных ММК (показывая, что моя доля по-прежнему составляет 35%), но мне выплачивались меньшие суммы. Г-н Ким сообщил мне, что часть биткойнов будет реинвестирована в проект и использована для покрытия других расходов на развитие и инфраструктуру. Я предположил, что часть моей доли также идет на эти цели, но я никогда не согласовывал это с ММК.
132. В конце марта или начале апреля 2018 года я встретился с г-ном Махат, г-ном Ким и г-ном Г-н Гойгов (сотрудник ММК, создавший модель прогнозирования прибыли совместного предприятия еще в августе 2017 года) в офисе у ММК в "Radisson". Во время этой встречи г-н Махат дал поручение г-ну Ким сократить выплаты биткойнов в мой адрес. Причина этого решения заключалась в том, что г-н Махат не мог собрать достаточно биткойнов для г-на Сатыбалды, от имени которого он выступал в этом проекте, в обмен на защиту ("крышу")

предоставляемую г-ном Сатыбалды (как сказал мне г-н Махат во время нашей первой встречи в мае 2017 года). После сентября 2018 года ММК полностью прекратили выплачивать мне биткойны без каких-либо объяснений, и с тех пор они не выплатили мне ни одного биткойна.

133. Г-н Ким представил свое собственное приложение к свидетельским показаниям, в котором указана общая сумма выплаченных мне биткойнов и общая сумма, сгенерированная проектом. Он утверждает, что это показывает, что моя доля не составляла 35%. Биткойны, указанные в этой таблице как выплаченные мне, – это те же цифры, что и в моей таблице¹. Г-н Ким не предоставил никаких подтверждающих документов для обоснования цифр общей суммы биткойнов, сгенерированных Проектом АБК, поэтому проверить точность этой таблицы невозможно.
134. Цифры, приведенные г-ном Ким, искажают размер моих требований. Он, по всей видимости, подсчитал общее количество биткойнов, сгенерированных всем Проектом АБК. Я же утверждаю, что (как было оговорено в Лондонском соглашении) я должен был получить 35% биткойнов, полученных ММК, а не 35% всех биткойнов, сгенерированных Проектом. Поэтому рассчитанная г-ном Ким моя доля как процент от общего объема не имеет значения. Г-н Ким всегда знал, что моя доля прибыли составляет 35% от половины доли ММК, потому что именно это зафиксировано в модели прогноза прибыли г-на Гойгова, которую он поручил г-ну Гойгову отправить мне (**страницы 3-5**).
135. Как указано выше, электронные таблицы, предоставленные мне г-ном Гойговым в августе 2017 года и г-ном Ким в мае 2018 года, показывают, что моя доля составляла ровно 35% от биткойнов, полученных ММК.
136. ММК заявили, что биткойны, выплаченные мне, были *"брокерским вознаграждением"*, выплаченным мне, потому что я был *"брокером"* или *"посредником"* при покупке подстанции "Сталь" и Зданий АБК компанией "Prima

¹ За исключением платежа в 20 биткойнов, который, как утверждает г-н Ким, был выплачен мне 31 мая 2018 года. В электронной таблице г-на Ким на тот момент было указано, что эта сумма была *"неправильно начислена"*, и 10 биткойнов были позже вычтены как *"вычет из неправ начисленных"* биткойнов (**стр. 222-227**). Я не могу проследить, что случилось с остальными 10 биткойнами. Поэтому 20 биткойнов не включены в мою таблицу.

Investment", и это вознаграждение было выплачено мне в биткойнах (пункт 37 "Мирахмедов 1"; пункты 33–34, 76–81 "Ким 1"; пункт 49 "Махат 1"). Это не имеет никакого смысла, поскольку:

- (a) Как указано выше, я не был ни брокером, ни посредником при продаже подстанции "Сталь" и Зданий АБК: я был конечным бенефициарным собственником этих объектов. Я всегда говорил им, что владею этими активами, и ММК посетили их в августе 2017 года вместе со мной и моим братом. Также, г-н Ким ясно дал понять, что это моя собственность, в своей электронной таблице, которую он подготовил для GM и отправил мне 23 июля 2017 года, описав объект как "объект Алимова Е" (стр. 74-77). Я не понимаю, как он (или г-н Мирахмедов и г-н Махат) могут теперь утверждать, что я не являлся бенефициарным собственником активов или что они не знали этого в то время.
- (b) Якобы "брокерское" вознаграждение в размере 1,75 миллиона долларов США также превышает договорную цену, зафиксированную при передаче подстанции "Сталь" (159 000 долларов США) и Зданий АБК (855 000 долларов США). ММК утверждают, что это рыночная стоимость объектов, что неверно (как указано выше). Даже если исходить из их доводов, не имеет смысла, чтобы получаемое "брокером" "брокерское вознаграждение" было больше цены передачи.
- (c) В электронной таблице модели прибыли г-на Гойгова от августа 2017 года указано, что я являюсь партнером с долей 35% от половины доли ММК. Г-н Ким поручил ему отправить ее мне, признав на тот момент, что я являюсь партнером. Никто не говорил, что я являюсь брокером с разовой фиксированной комиссией.
- (d) Адвокат г-на Мирахмедова и г-на Ким описывает "брокерское вознаграждение" как *"единовременный, фиксированный комиссионный платеж под условиями"* (пункт 70 "Моруцци 1"). Но оно не выплачивалось как "единовременная" комиссия; вместо этого выплаты производились ежемесячными платежами в разных суммах, и эти суммы были связаны с процентом от биткойнов, полученных ММК, как указано выше.

137. ММК заявили, что договорились со мной об этом брокерском вознаграждении в устной форме. Они не сказали, когда и где они достигли этого устного соглашения со мной.
138. Г-н Махат утверждает (пункт 50 "Махат 1"), что я запросил оплату в биткойнах, чтобы обойти свои обязательства по раскрытию информации и уплате налогов перед властями Казахстана и своими государственными работодателями, поскольку я был председателем правления акционерного общества с государственным участием "АстанаЭнергоСервис". Это неверно. Я не был государственным служащим, когда был председателем правления "АстанаЭнергоСервис". Эта компания является акционерным обществом, в которой государство является мажоритарным акционером. Поэтому у меня не было никаких обязательств по предоставлению налоговых деклараций или раскрытию информации о своих активах перед какими-либо государственными органами, как это требовалось бы от государственных служащих; я просто подавал налоговые декларации, как делал бы это любой гражданин Казахстана. Кроме того, я ушел с поста председателя правления "АстанаЭнергоСервис" в ноябре 2017 года (что подтверждается пресс-релизом, прилагаемым на **странице 240-245**), до того, как я получил биткойны от Проекта АБК. Моя бывшая должность в указанной компании не связана с получением биткойнов от проекта. Я получал биткойны от Проекта АБК, потому что я был в нем партнером, и моя доля была установлена в Лондонском соглашении.

Моя работа над другими проектами по майнингу биткойна: Согринская ТЭЦ/Титан и КарДОК

139. Как указано выше, я также познакомил ММК с владельцами других электростанций: КарГРЭС-1, Риддерской ТЭЦ и Согринской ТЭЦ (как признает г-н Мирахмедов: пункт 36 "Мирахмедов 1"). Если ММК потерпели неудачу в своих попытках приобрести первые два объекта, то мне позже удалось договориться о покупке Согринской ТЭЦ для СП GM в октябре 2017 года (после того как я предоставил "Сталь" и Здания АБК для использования в СП GM).
140. Я представлял ММК в переговорах о покупке Согринской ТЭЦ с ее бенефициарным владельцем, г-ном Идрисовым. В октябре 2017 года я отправил г-

ну Мирахмедову презентацию, которую мне предоставили по Согринской ТЭЦ, и сообщил ему, что продавцы *"набивают цену"* (стр. 22). Г-н Мирахмедов выразил мне доверие: *"Брат, зная твои переговорные способности, ин ша Аллах, все будет ма щаа Аллах "*. Мне удалось договориться о покупке Согринской ТЭЦ, снизив запрашиваемую цену с 25 миллионов долларов США до 8 миллионов долларов США.

141. Я также оплатил депозит в размере 1,2 миллиона долларов США из своих собственных средств, поскольку ММК не могли предоставить средства вовремя; и мне пришлось долгие месяцы добиваться от ММК возврата этой суммы (например, см. мою переписку с г-ном Ким в "Telegram" в марте 2018 года: стр. 26). Полностью мне выплатили деньги только в июне 2018 года из биткойнов, полученных в рамках Проекта АБК.
142. В феврале 2018 года я вместе с ММК отправился в Усть-Каменогорск, чтобы проинспектировать Согринскую ТЭЦ и будущую криптоферму Титан. Мне сообщили об этой поездке вечером, а выезд был запланирован на следующее утро, около 7 часов. Я помню об этом, потому что у меня на вечер был запланирован ужин с семьей Сатыбалды у них дома, на который я не смог пойти из-за этой внезапной поездки. Я решил отправиться в эту поездку, потому что она была важна для меня, так как касалась развития моего совместного предприятия с ММК. Однако это было опрометчивое решение, потому что в Казахстане, если вас приглашают на ужин с влиятельными людьми, такими как г-н Сатыбалды, вы не должны отказываться или игнорировать такое приглашение. Я попросил г-на Махат сообщить г-ну Сатыбалды (так как он должен был с ним встречаться), что не смогу присутствовать на ужине, так как еду в Усть-Каменогорск с ММК. Однако, как выяснилось позже, г-н Махат не сообщил г-ну Сатыбалды, что я не смогу присутствовать на ужине. После этого отношения с г-н Сатыбалды охладели. В частности, его жена позвонила моей жене в тот же вечер и спросила, почему мы опаздываем. Моя жена сказала г-же Сатыбалды, что я уехал в Усть-Каменогорск и что ее мужу должны были сообщить об этом. Г-жа Сатыбалды ответила, что никто ему ничего не сообщал, и бросила трубку. Я считаю, что это был стратегический ход ММК, чтобы перекрыть мне прямой доступ к г-ну Сатыбалды.

143. Согринская ТЭЦ стала второй электростанцией, используемой СП GM, а рядом с ней на базе бывшего автотранспортного предприятия, известного как "Титан", недалеко от Согринской электростанции, была создана вторая криптоферма. Этот объект был выкуплен, и его инфраструктура была перестроена для майнинга биткойна, как это было сделано с подстанцией "Сталь" и Зданиями АБК. Этот проект получил название "Проект Титан", и позже, как и Проект АБК, перешел в собственность GDA.
144. В знак признания моего вклада в Проект "Титан" (в основном за очень большое снижение цены, которое я обеспечил при покупке Согринской ТЭЦ) ММК пообещали передать мне 12,5% своей доли в проекте и такую же долю от биткойнов, которые они получали от проекта. Проект снова был поделен "50 на 50" между GM и ММК.
145. Для того чтобы задокументировать это соглашение через корпоративную структуру, было решено, что мне будут переданы акции компании, которая на тот момент владела Согринской ТЭЦ, – компании "Long Life Ltd", зарегистрированной в Международном корпоративном центре Рас-Аль-Хайма в ОАЭ. Примерно в апреле 2018 года мы с женой, по рекомендации г-на Ким, отправились в Дубай на встречу с юристом Светланой Захаровой, которая работала на ММК. Моя жена подписала передаточное распоряжение на акции для получения от номинального акционера (6,25%) от общего количества акций этой компании (т.е. 12,5% от половинной доли ММК) (**стр. 246**). Моя жена выступала в качестве номинального акционера от моего имени. Г-жа Захарова заверила меня, что все формальности будут выполнены и она отправит г-ну Ким оригинал этого передаточного распоряжения для регистрации моей жены в качестве акционера. Однако этого так и не было сделано, и никаких акций ей выпущено не было.
146. Отдельно, рядом с Проектом АБК, была создана еще одна криптоферма под названием "КарДОК", которая также была запитана электроэнергией через подстанцию "Сталь". Этот проект возник в результате инспекционной поездки в феврале 2018 года, которую г-н Махат, г-н Ким и я совершили на Проект АБК (который к тому времени уже работал). Они попросили меня передать 10 гектаров земли, принадлежащей "ККС Караганды", для создания новой криптофермы. Я объяснил, что на создание необходимой инфраструктуры уйдет не менее года и это

обойдется нам в 500–1000 долларов США на квадратный метр. Требования ММК по площади криптофермы составляли 20,000 квадратных метров, что составило бы по итогу расход в 10,000,000–20,000,000 долларов США. По моему мнению, это было нерационально. Вместо этого я предложил провести экспертизу имеющихся зданий, а затем купить их и переоборудовать под новую криптоферму. (В итоге я не стал передавать эти 10 гектаров земли рядом со Зданиями АБК, так как мы решили, что это будет финансово невыгодно, ни смотря на мою готовность; эта земля на тот момент осталась у меня).

147. Я нашел производственный объект, расположенный неподалеку от АБК и подстанции “Сталь”, известный как КарДОК. Я рекомендовал ММК этот объект, о котором они до этого не знали, и сообщил кто являлся владельцем объекта. Г-н Махат договорился с владельцем объекта о покупке за 4 000 000 долларов США, с рассрочкой на два года. На этом участке также была создана криптоферма, получившая название "Проект "КарДОК" и работающая на базе "Сталь"; она функционирует до сих пор.
148. За мою работу над Проектом "КарДОК" ММК пообещали мне 12,5% от своей доли в Проекте "КарДОК" и такую же долю от получаемых ими биткойнов.
149. Я четко заявляю, что не претендую отдельно на свои доли в Проекте "Титан" или Проекте "КарДОК", поскольку активы обоих проектов перешли в собственность GDA, и поэтому моя доля в этих проектах суммировалась и отражена в моем требовании на 35% акций ММК в GDA согласно Лондонскому соглашению. Я рассказываю о своей работе над этими проектами, чтобы показать мой общий вклад в СП GM и его первые три фабрики по майнингу биткойнов в Казахстане, а также чтобы ответить на аргументы ММК о том, что получение мной 35% от их доли в GDA каким-то образом не является "коммерческим".

Создание GDA

150. С января 2018 года я неоднократно обращался к ММК с вопросами о создании корпоративной структуры для Проекта АБК и о том, когда мне будут выделены ее акции. Они продолжали говорить мне, что их юрист Максим Сулимов работает над этим вопросом и что они хотят зарегистрировать корпоративную компанию в более благоприятной юрисдикции, чем Казахстан.

151. Г-н Мирахмедов не сказал мне, что он уже зарегистрировал GDA на Кипре 15 июня 2017 года (всего через пять дней после нашей встречи в Лондоне, когда мы достигли Лондонского соглашения), или что он, г-н Махат и г-н Ким были ее директорами, или что г-н Мирахмедов лично получил акции компании 21 февраля 2018 года: см. пункт 52 РИЗ. Я узнал об этом только в ходе расследования, проведенного в рамках данного иска.
152. Это расследование также показало, что (а) 14 мая 2020 года 50% акций GDA были выданы владельцам GM, (b) 30 сентября 2020 года г-н Мирахмедов передал по трети своих акций г-ну Махат и г-ну Ким, и (с) 11 сентября 2020 года компания "Prima Investment" стала принадлежать GDA через дочернюю компанию, равно как и Проект АБК: см. пункт 52 РИЗ.
153. Согласно Лондонскому соглашению, я должен был получить акции GDA (в качестве корпоративной структуры Проекта АБК) в то же время, когда г-н Махат и г-н Ким получили свои акции, но, к сожалению этого не произошло.

D. ОТВЕТЫ НА ДРУГИЕ ПУНКТЫ ПОКАЗАНИЙ ММК

Место жительства г-на Мирахмедова

154. По его признанию, на момент нашей встречи в доме 27 по Ингрэм-авеню 10 июня 2017 года г-н Мирахмедов проживал в Англии. Он утверждает, что с сентября 2021 года он стал проживать исключительно в Дубае. Я оспариваю это. Я оставляю большую часть доказательств, касающихся проживания г-на Мирахмедова в Англии, для свидетельских показаний г-на Яцухи и документов, которые мои адвокаты получили в ходе этого разбирательства. Ниже я добавлю только те моменты, которые вытекают из моих собственных знаний.
155. В пунктах 24–26 "Мирахмедов 2" г-н Мирахмедов заявил, что на фотографии, сделанной нанятыми мной детективами из фирмы "Raedas", женщина, выходящая из дома 27 по Ингрэм-авеню, была не женой г-на Мирахмедова, Наргизой Турдахуновой (как считали "Raedas"), а его матерью. Г-н Мирахмедов выдвигает обвинение в допущении ситуации с дачей ложных показаний суду.

156. Я встречался с женой г-на Мирахмедова только один раз, во время моего визита на 27 Ингрэм-авеню, 10 июня 2017 года. Поэтому я не узнал ее и не стал сомневаться в том, что "Raedas" опознали в ней женщину на фотографии. На женщине на фотографии были солнцезащитные очки и платок, и изображение на фотографии мелкое, поскольку она была сделана с некоторого расстояния, из-за чего мне трудно узнать ее лицо. Я никогда не встречался с матерью г-на Мирахмедова.
157. В пункте 28 "Мирахмедов 2" г-н Мирахмедов говорит, что его мать живет в доме 27 по Ингрэм-авеню, и он *"очень ясно"* изложил это в своих первых показаниях (пункт 9 "Мирахмедов 1"), *"как и в корреспонденции от "Withers"*, его адвокатов. Однако это неверно. В своем ответе на мое претензионное письмо компания "Withers", представляющая интересы г-на Мирахмедова, заявила, что г-н Мирахмедов не проживает по адресу 27 Ингрэм-авеню, и *"он не владеет этой недвижимостью"* (пункт 1.3). Они никогда не говорили, что там живет его мать, и вообще не упоминали о ней. Мне кажется, что его утверждение о том, что он не владеет домом 27 по Ингрэм-авеню, вводит в заблуждение, когда теперь он говорит, что он и его жена устроили ужин Ифтар в этом доме 10 июня 2017 года и что там живет его мать. Мой адвокат, г-н Яцуха, объяснил, что формально недвижимость принадлежит оффшорным трастовым компаниям, располагавшимся ранее на Джерси, а теперь – на Багамах. Я предполагаю, что бенефициарами этого траста являются г-н Мирахмедов и члены его семьи. Г-н Яцуха также представил документы, свидетельствующие о том, что жена г-на Мирахмедова от своего имени подала заявку на получение разрешения на перепланировку дома 27 по Ингрэм-авеню в 2015 году.
158. Как указано в вышеприведенном пункте 44, когда я прибыл на 27 Ингрэм-авеню на ужин 10 июня 2017 года, г-н Мирахмедов показал мне дом, рассказав о том, что он купил эту недвижимость, сам спроектировал и оплатил ремонт, и назвав это своим домом и домом своей семьи.

Встречи с г-ном Мирахмедовым и г-ном Махат

159. Г-н Мирахмедов и г-н Махат заявили, что они очень мало общались со мной, пытаясь показать, что я не был их партнером. Это неправда, как я уже писал выше.

160. По большей части мое повседневное общение по поводу совместного предприятия велось с г-ном Ким, который был единственным из ММК, работавшим над проектом на условиях полной занятости и отвечавшим за операционную деятельность (как признает г-н Ким в пункте 26 "Ким 1"). Г-н Мирахмедов и г-н Махат не работали над проектом в полном объеме, поэтому у меня было меньше контактов с ними по этому поводу. Однако я виделся с ними на важных встречах и во время посещения объектов. Они оба опустили некоторые из встреч между мной и ими.
161. В пункте 16 "Мирахмедов 1" г-н Мирахмедов перечисляет четыре или пять встреч, которые он провел со мной лично. Однако было еще как минимум две встречи и случая общения между нами в Казахстане, о которых он не упоминает:
- (а) В первом квартале 2018 года в ресторане "Венеция" в Астане я организовал встречу, по просьбе г-на Мирахмедова, ему с высокопоставленным правительственным чиновником Асетом Исекешевым (братом моего бизнес-партнера Ерлана Исекешева). Цель этой встречи состояла в том, чтобы г-н Мирахмедов мог заручиться политической поддержкой для нашего предприятия по майнингу биткойна. Несмотря на то, что г-н Сатыбалды выступал "крышей" для нашего проекта, одного его участия могло бы быть недостаточно. Это было связано с тем, что г-н Сатыбалды не занимал никаких официальных государственных постов, а проекту требовалась поддержка со стороны кого-то из правительства, кто мог бы оказать нам содействие. Я помню, что Асет Исекешев был недоволен встречей и спросил меня, зачем я его туда привел и кто такой г-н Мирахмедов. За почти часовую встречу Асет Исекешев так и не смог понять, кто такой г-н Мирахмедов и чего он хочет.
 - (б) Через несколько дней после встречи, описанной в пункте 161(а) г-н Мирахмедов, г-н Махат, г-н Ким и я отправились в деловую поездку из Астаны в Усть-Каменогорск на частном самолете, зафрахтованном г-ном Мирахмедовым. Наш однодневный визит включал инспектирование работы недавно приобретенной Согринской электростанции (см. пункты 142–143 выше). Я рекомендовал ММК нанять г-на Аббас и его команду экспертов-энергетиков для работы на Согринской ТЭЦ, и они показали нам Согринскую электростанцию. В тот же день ММК, г-н Аббас, его команда и я посетили

площадку объекта "Титан", чтобы оценить ее потенциал для создания криптофермы (как описано выше).

162. Стоит отметить, что в 2018 году жена г-на Махат, Каролина, и г-н Мирахмедов вошли в попечительский совет благотворительной организации "Касиетты Жол", одной из учредителей которой являлась моя супруга. Я полагаю, что участие г-на Мирахмедова в благотворительной организации было направлено, в том числе, на установление тесных отношений с моей семьей в контексте наших новых деловых отношений.
163. В пункте 39 "Махат 1" г-н Махат изложил свои воспоминания о встречах со мной. Он признает, что не может вспомнить все встречи и случаи общения со мной. Я не согласен с тем, что у нас было *"минимальное взаимодействие по существу"*, как он утверждает. Я хотел бы добавить еще несколько встреч и случаев общения, которые состоялись у меня с ним и которые он забыл или опустил в своих свидетельских показаниях:
- (a) В июне 2017 года г-н Махат, г-н Ким и я встретились с экспертами-энергетиками в отеле "Radisson" (как описано в вышеприведенном пункте 28).
 - (b) В феврале 2018 года г-н Махат, г-н Ким и я посетили действующий Проект АБК, и они попросили меня передать 10 гектаров земли, принадлежащей моей компании, для расширения фабрики по майнингу биткойнов, но я сказал, что строительство новых объектов для майнинга будет слишком дорогим, в результате чего мы нашли поблизости участок КарДОК (как описано в вышеприведенном пункте 146 выше).
 - (c) Также в феврале г-н Махат посещал Согринскую электростанцию и объект "Титан" вместе с г-ном Мирахмедовым, г-ном Ким и мной (как описано в вышеприведенных пунктах 142–143 и 161(b)).
 - (d) В конце марта или начале апреля 2018 года я встретился с г-ном Махат, г-ном Ким и их сотрудником г-ном Гойговым (сотрудник ММК, создавший модель прогноза прибыли для совместного предприятия еще в августе 2017 года) в отеле "Radisson", и во время этой встречи г-н Махат попросил г-на Ким

уменьшить выплаты мне в биткойнах (как описано в вышеприведенном пункте 132).

- (е) Примерно 16 марта 2019 года я встретился с г-ном Махат и г-ном Ким в отеле "Radisson", и они сказали, что выводят меня из состава СП GM.
- (f) У меня также было мимолетное общение с г-ном Махат в ноябре 2021 года, после того как ММК исключили меня из СП GM. Это было на свадьбе детей двух моих близких друзей, и когда я уезжал со свадьбы, то заметил, что в соседней машине сидит г-н Махат. Мне показалось, что он тоже меня увидел, но изо всех сил старался сделать вид, что не заметил меня.

Статья в "Wall Street Journal" и Махамбет Абжан

- 164. В пунктах 28–32 "Махат 1" г-н Махат утверждает, что я предоставил журналисту *"The Wall Street Journal"* ложную информацию о ходе разбирательства. Я категорически отрицаю эти обвинения. Я привожу правдивый отчет о моем общении с этим журналистом.
- 165. Примерно в феврале 2023 года одна из моих знакомых из Казахстана, которая также является журналистом и знала о моем иске против ММК и GDA, спросила, не будет ли мне интересно, если со мной свяжется ее коллега из *"The Wall Street Journal"*, который хотел бы поговорить со мной об этом деле. Я согласился на это предложение, и журналист из *"The Wall Street Journal"* Элиот Браун связался со мной в том же месяце. Он сообщил мне, что заинтересовался моим делом и хочет получить больше подробностей, чтобы опубликовать статью о нем.
- 166. Перед публикацией статьи мы с г-ном Брауном общались почти год, в течение которого он задавал мне различные вопросы о фактической стороне дела и любых связанных с ним событиях.
- 167. Г-н Махат ложно утверждает, что я общался с журналистом, пытаясь "вытянуть деньги" из него, г-на Мирахмедова и г-на Ким и оказать на них "неправомерное давление", обнародовав иск. Это совершенно не соответствует действительности. Я никогда не просил денег у г-на Махат, г-на Мирахмедова или г-на Ким, в связи со статьей или моим общением с г-ном Брауном и не пытался оказать на них

давление посредством огласки. Мое общение с г-ном Брауном было инициировано им, и я дал на него согласие. Г-н Браун попросил г-на Махат прокомментировать мое изложение дела, и он сделал это через своих адвокатов.

168. В пункте 33 "Махат 1" г-н Махат выдвигает против меня ложные обвинения, связанные с казахским журналистом Махамбетом Абжан, который освещал это дело и был посажен в тюрьму в Казахстане за свои статьи. Это не было попыткой получить деньги от г-на Махат или оказать давление на ММК. Г-н Абжан был заинтересован в публикации статьи, поскольку он выступал против действующего режима в Казахстане.
169. Он был привлечен к ответственности за распространение ложной информации, и казахстанский суд признал его виновным. Суд отказал мне в просьбе выступить свидетелем или дать показания в рамках того разбирательства для подтверждения этой информации, поскольку в отношении меня в Казахстане ведется отдельное уголовное расследование по тем же обвинениям (описано далее в параграфе 176 ниже). Я подозреваю, что г-н Махат (или кто-то из ММК) подал жалобу казахстанским властям о том, что информация была ложной, и использовал свое влияние, чтобы добиться возбуждения уголовного дела.

Обвинения со стороны собственников "Темирши"

170. В пунктах 24–25 "Шамбаяти 1" (свидетельских показаний адвоката г-на Махат) г-н Шамбаяти заявляет, что он беседовал с миноритарными собственниками "Темирши", которые обвиняют моего брата Айдына и меня в притеснениях, в отказе в доступе к помещениям компании и в угрозах в их адрес в форме агрессивного поведения и действий насильственного характера. Я полностью это отрицаю. Это ложные обвинения и я впервые о них слышу; миноритарные собственники (г-жа Скопенкова и члены ее семьи) никогда напрямую не обвиняли меня в этом (также мне неизвестно о каких-либо обращениях в правоохранительные органы).
171. Кроме того, я не вижу, как эти заявления связаны с данным делом; по всей видимости, их цель состоит в том, чтобы опорочить меня. Эти обвинения относятся к моему спору с г-жой Скопенковой и ее семьей, возникшему после того, как они отказались от выполнения обязательств предварительного соглашения о

покупке мною 10-процентной доли в "Темирши", к которому я и один из первоначальных учредителей пришли.

Е. УГРОЗЫ В АДРЕС СВИДЕТЕЛЕЙ И МЕНЯ

172. В адрес моих свидетелей и потенциальных свидетелей в Казахстане поступили вызывающие тревогу угрозы, а также в мой адрес.
173. Один из моих свидетелей, Арман Наурзалиев, рассказал мне, что г-н Махат угрожал ему через третье лицо. Г-н Наурзалиев проигнорировал угрозы и решил дать показания, и в своих свидетельских показаниях он рассказывает о том, как ему угрожали.
174. Другие потенциальные свидетели, согласившиеся дать показания, также получали угрозы, и в этот раз угрозы были эффективными, так как эти свидетели отказались выступать с показаниями. Я договорился с г-жой Каплуновской и г-ном Аббас (экспертами-энергетики из привлеченной мной к проекту команды), что они дадут показания в поддержку данного ходатайства. Оба согласились. Они могли бы подтвердить мои вышеприведенные показания о том, что я привлек их к деятельности СП GM, что они вместе со мной встречались с г-ном Махат и г-ном Ким, что я и ММК были партнерами, и что г-жа Каплуновская и г-н Аббас проводили экспертизу различных электростанций для СП GM. Однако, по мере приближения срока дачи свидетельских показаний г-н Аббас стал уклоняться от общения со мной. 6 июня 2024 года г-жа Каплуновская сообщила мне, что говорила с г-ном Аббас и хотела бы поделиться со мной кое-чем. Она также упомянула, что очень обеспокоена тем, что происходит вокруг г-на Аббас. Она попросила меня позвонить.
175. Я связался с ней 7 июня 2024 года. Наш телефонный разговор длился 36 минут, и я его записал. Расшифровка телефонного разговора на русском языке и ее перевод на английский язык прилагаются на **страницах 247–274**. В общих чертах г-жа Каплуновская сообщила мне, что:
- (а) Г-н Аббас попросил ее передать мне, что он работает над другим проектом в Ташкенте (Узбекистан), что по телефону и через мессенджеры с ним связывались правительственный чиновник из Узбекистана и основной

акционер (из Саудовской Аравии) проекта, на котором он работает, и оба сказали ему, что, если он намерен дать показания по моему делу, он должен уволиться с проекта. Г-н Аббас воспринял это как угрозу для того, чтобы он не давал показания. Он не хочет терять работу, потому что ему нужно содержать семью. Изначально он приехал из Новой Зеландии (сам он родом из Пакистана), но вся его работа была сосредоточена в Центральной Азии и странах СНГ, и он не может позволить себе вернуться в Новую Зеландию. Поэтому он почувствовал, что на него оказывают давление, чтобы он не давал показания. Г-жа Каплуновская сказала, что видела отправленные г-ну Аббас сообщения и журналы звонков, и отправителем было реальное должностное лицо из правительства Узбекистана, чью личность она проверила.

- (b) Г-жа Каплуновская сказала, что в Казахстане к ее мужу по очереди обратилось несколько человек с предложением денег за ее отказ от дачи показаний в мою поддержку в данном деле. Когда ее муж ответил, что она не продается, эти люди стали угрожать ей самой, ее мужу и детям на тот случай, если она решит дать показания в мою пользу. Из-за этих угроз она почувствовала давление и в конечном итоге отказалась давать показания, чтобы защитить свою семью.

176. Я не знаю, кто эти люди, угрожавшие г-ну Аббас и г-же Каплуновской, но я верю г-же Каплуновской, когда она говорит, что видела сообщения, отправленные г-ну Аббас должностным лицом правительства Узбекистана. Хочу отметить, что г-н Мирахмедов говорит, что он родом из Узбекистана.

177. Я не могу однозначно утверждать, что угрозы в адрес г-на Аббас и г-жи Каплуновской с целью предотвращения дачи показаний были организованы ММК. Однако я могу сделать подобный вывод на основании того, что трудно представить других лиц, заинтересованных в оказании давления на мой свидетелей. Я также считаю, что ММК оказали давление на свидетелей в связи с их опасениями, что свидетели могут укрепить мои позиции в этом деле. В дополнение, я хочу отметить, что г-н Наурзалиев рассказывает в своих показаниях о том, как ему угрожали через третье лицо, сказав, что ему передают “доброе” послание, т.е. угрозу, от г-на Махат.

178. Я обеспокоен тем, что если бы мне пришлось подавать иск в Казахстане, ничто не помешало бы продолжать угрожать свидетелям, а казахстанская полиция и казахстанские суды не предприняли бы ничего, чтобы остановить это. Это повлияет на мое дело, лишив меня свидетелей.
179. Мне также угрожали, что, как я полагаю, связано с этим делом. 29 ноября 2023 года я получил электронное письмо с неизвестного мне адреса (на Proton, сервере зашифрованной электронной почты), в котором говорилось: *“there are some people who are trying to hurt you and get you fucked up seriously and they already obtained enough information that can lead to bury you, and get you in a long dark road”*. Автор утверждал, что предлагает *“re-obtain the information”* и помочь мне найти ответственных за это людей, и дал мне контактное имя в Telegram. Затем он сказал, что если я подумаю, что это шутка или мошенничество, то он пришлет мне фотографию моего дома в Англии с указанием адреса. Во втором письме говорилось, что если я сообщу об этом в полицию, то подвергну себя еще большему риску и что автор - единственный, кто может мне "помочь" (стр. 275-277). Я расценил эти письма как угрозу и сообщил о них в полицию, которая возбудила дело, присвоив ему номер преступления.
180. Я не знаю, связаны ли ММК с этими угрозами, но я не знаю других людей, которые хотели бы причинить мне вред или угрожали бы мне информацией, которая могла бы мне навредить. Это также совпадает с угрозами в адрес других свидетелей, чтобы помешать им дать показания по этому делу, как указано выше, а угроза в адрес г-на Наурзалиева была передана непосредственно от г-на Махат.
181. Меня также беспокоит, что и на меня оказывается давление с целью заставить меня отозвать мои требования. В отношении меня в Казахстане ведется уголовное преследование в связи с тюремным заключением казахского журналиста г-на Абжана за публикацию предоставленной мной ему информации о г-не Махат, г-не Сатыбалды и проекте по майнингу криптовалют. Именно г-н Махат инициировал уголовное преследование г-на Абжан. Я продолжаю утверждать, что я не виновен; я ничего не сделал, кроме того, что рассказал г-ну Абжан правду.
182. Я также хочу отметить, что был создан веб-сайт под названием *‘yermekalimov.com – Yermek Alimov Corruption Stories’*, который содержит клеветнические статьи про

меня (с выдуманными обвинениями в коррупции и незаконных сделках); а также, якобы, о рейдерских захватах и фиктивном трудоустройстве в Великобритании. Все это не соответствует действительности, и я категорически отрицаю целое содержание этого сайта. Как я уже говорил в пунктах выше – я не знаю других людей, которые хотели бы причинить мне вред или опорочить мое имя; кроме ММК. Именно поэтому я считаю, что этот сайт является частью PR-кампании ММК с целью оказать на меня давления с помощью ложных историй, чтобы я отозвал свои требования.

183. Мой брат Айдын тоже находится под следствием в Казахстане. Как он описывает в своих свидетельских показаниях, следователи нацелены на то, чтобы найти надуманные доказательства и привязать меня к предъявляемым ему обвинениям (хотя дело против него касается компаний, с которыми я не связан). Учитывая связи г-на Махат с правительственными кругами Казахстана и силовыми структурами, я прихожу к выводу, что, с большой вероятностью, он (или кто-то из ММК) и является тем лицом, которое организовало это уголовное расследование. В Казахстане довольно распространены ситуации, когда одна из сторон делового спора возбуждает уголовное дело против других сторон или их родственников для оказания давления.

Г. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

184. Я прошу Суд отклонить ходатайство Ответчиков и разрешить рассмотрение моего дела английским судом.

Заявление о достоверности сведений

Я считаю, что факты, изложенные в данных свидетельских показаниях, соответствуют действительности. Я понимаю, что любое лицо, дающее ложные показания или способствующее даче ложных показаний в документе, подтвержденном заявлением о достоверности сведений, в отсутствие добросовестной уверенности в достоверности таких сведений, может быть привлечено к ответственности за неуважение к суду.

Подпись: _____

Имя: Ермек Алимов

Дата: 28 июня 2024 года

O-04191-f

Certificate of Accuracy

Eurasian Linguistic Services Ltd, Albany House, 14 Shute End, Wokingham RG40 1BJ, an ISO 17100:2015 and ISO 20228:2019 certified translation company, is competent to translate from **Russian** into **English**. We hereby certify that this translation is, to the best of our professional knowledge and belief, a faithful rendering of the following **Russian** document:

Подтверждение верности перевода

Компания Eurasian Linguistic Services Ltd, адрес: Albany House, 14 Shute End, Wokingham RG40 1BJ, переводческая компания, аккредитованная по стандартам ISO 17100:2015 и ISO 20228:2019, правомочна осуществлять переводы с **русского языка** на **английский язык**. Настоящим мы подтверждаем, что согласно нашим профессиональным знаниям и убеждениям, данный перевод является верным переводом документа на **русском языке**:

WITNESS STATEMENT OF YERMEK ALIMOV

Katerina Burgess,
BA (Hons), MITI, CIOL, APCI, AIIC

Director, Eurasian Linguistic Services Ltd

Екатерина Берджесс,
BA (Hons), MITI, CIOL, APCI, AIIC

Директор компании Eurasian
Linguistic Services Ltd

Date: **28/06/2024**

IN THE HIGH COURT OF JUSTICE

Claim no. CL-2023-000262

BUSINESS AND PROPERTY COURTS OF ENGLAND AND WALES

COMMERCIAL COURT (KBD)

BETWEEN:

YERMEK ALIMOV

Claimant

- and -

(1) ABDUMALIK MIRAKHMEDOV

(2) RASHIT MAKHAT

(3) ANDREY KIM

(4) GENESIS DIGITAL ASSETS LIMITED

(a company incorporated in Cyprus)

Defendants

WITNESS STATEMENT OF YERMEK ALIMOV

I, YERMEK ALIMOV, of [REDACTED], SAY as follows:

1. I am the Claimant in these proceedings.
2. My native languages are Kazakh and Russian, and I speak limited English. If I were to give oral evidence in these proceedings I would require the assistance of an interpreter. This statement has been prepared following discussions in person and by telephone and email with my solicitors instructed for the Claimant, who are fluent Russian speakers. An English translation of this statement is provided.
3. The facts and matters set out in this statement are within my own knowledge unless otherwise stated, and I believe them to be true. Where I refer to information supplied by others, the source of the information is identified; facts and matters derived from other sources are true to the best of my knowledge and belief.
4. I make this witness statement in answer to the Defendants' applications (a) challenging the jurisdiction of the court and (b) seeking the setting aside of the order of Dias J

dated 19 October 2023 granting permission to serve the claim on the Defendants out of the jurisdiction (**‘Dias J Order’**).

5. I refer to the witness statements filed by the Defendants by the surname of the witness and statement number, e.g. ‘Mirakhmedov 1’. I adopt the abbreviations set out in my Particulars of Claim (**‘POC’**).
6. In this statement, I respond to the evidence of each of First to Third Defendants given in their statements (Mirakhmedov 1 and 2, Makhat 1 and Kim 1). The second witness statement of my solicitor, Mihail Iatuha, responds to the witness statements filed by the Defendants’ solicitors.
7. The Dias J Order was made on my application for permission to serve out, which was supported by Iatuha 1, dated 19 October 2023. That statement set out the facts and matters showing that the court has jurisdiction over this claim and England is the appropriate forum. I rely on that statement in answer to the Defendants’ applications, along with the evidence in this statement and the statements of other witnesses which I file herewith.
8. I have produced a paginated bundle of true copy documents marked **‘YA1’**. Unless otherwise stated, all references to documents in this statement are to YA1, by page number.

A. ORIGINS OF THE BITCOIN-MINING VENTURE

9. In this section I set out the factual background to my claim. This background has already been provided this in the POC and in Iatuha 1, paras. 6-37 (which are derived from the POC) but I supplement it with further information to provide more detail on these matters and to respond to the Defendants’ evidence on these events.
10. This account is given from my own recollection and with the help of documents which I have located in my possession (including those in my Initial Disclosure), and in the possession of my witnesses. However, given that the present application only concerns jurisdiction, I have not carried out a disclosure search for all relevant documents, and nor have the Defendants.

11. I am a businessman, formerly resident in Kazakhstan and, since 2018, in England. I was formerly a leading specialist in the Kazakh energy sector. I was formerly chief executive of AstanaEnergoservice, a public limited company in which the Kazakh government is a majority shareholder, which owned the main power companies in Astana, the capital of Kazakhstan. I was also director of a private energy company which owned a power station in Karaganda.

My first meeting with MMK in May 2017

12. I was first approached in relation to the bitcoin-mining project by telephone in May 2017 by Mr Makhat and Mr Kim, who invited me to a meeting in the Radisson Hotel in Astana. Cryptocurrency mining had just started to be strategically developed by the Kazakh government at that time to generate investment in the country, and the cryptocurrency-mining project proposed by MMK with GM (and using GM's technology and servers) would have been the first, or one of the first, cryptocurrency-mining projects in Kazakhstan.
13. MMK told me that I had been recommended to them by Kairat Satybaldy, a very influential Kazakh businessman, as someone who could assist them with their bitcoin-mining project. Mr Satybaldy was the nephew of the then-President Nazarbayev, and he enjoyed unlimited administrative connections. He often provided businesses with protection from pressure from third parties in exchange for compensation. That protection was often called by the Russian word "*krysha*". No one said it out loud, but it was something that everyone understood in Kazakhstan. I was informed by Mr Kim that every month MMK gave Mr Satybaldy around \$100,000 in cash and later bitcoin payments as well (these started to be paid when my own payments from the project were reduced, as described below). Mr Satybaldy's influence was essential for the project: for example, because the cryptocurrency-mining equipment was dual-use equipment and therefore it could only be imported with the approval of the National Security Committee.
14. Mr Satybaldy had previously introduced me to Mr Makhat and Mr Kim in Dubai in 2014. I was quad biking on a safari with Mr Satybaldy, my two sons, and some family friends. Mr Satybaldy invited Mr Makhat and Mr Kim to join us, and that was the first time I met them. (I did not meet Mr Makhat in 2009, as he states in Makhat 1, para.

38.) Upon their arrival, Mr Satybaldy informed me that Mr Makhat and Mr Kim were his closest and most trusted contacts, and that if anyone had viable business ideas, they could refer these ideas to them, and Mr Makhat and Mr Kim would pass them on to him. I recall that there were seven of us before we were joined by Mr Makhat and Mr Kim, and so nine including them; not the 20 people Mr Kim mentions in Kim 1, para. 18. My wife, Gulmira, and Mr. Makhat's wife also had common friends, particularly in Kazakhstan and the United Arab Emirates. However, there were no other meetings between me and Mr Makhat apart from business meetings or assignments set by Mr Satybaldy.

15. I had indirect contact with Mr Mirakhmedov in 2016 on another project, although we did not meet directly. In 2016, I was approached by Imam Ibrahim (I do not know his full name, but he was quite famous in Kazakhstan in religious circles), acting as a representative for Mr Mirakhmedov, and he me to assist in securing land in Astana for the construction of a mosque using Mr Mirakhmedov's funds. I had a relationship with the Mayor of Astana, and lobbied him to advance this request. The city council agreed to allocate land for the construction of the mosque and everything had been arranged for Mr Mirakhmedov, however he then decided not to proceed with his plan. (to avoid potential damage to my relationship with the mayor if we had abandoned the plan to build the mosque, I and other volunteers chose to donate funds to build the mosque instead). As a result, I do not understand how Mr Mirakhmedov can say (in Mirakhmedov 1, para. 18) that he did not know me and had never heard of me before May 2017, when he had contacted me, via a trusted intermediary, the year before.
16. I met with Mr Mirakhmedov, Mr Makhat and Mr Kim in the Radisson Hotel in May 2017. Mr Mirakhmedov identified himself to me as the person who had conceived of the idea of the bitcoin-mining project and the investor of the project. Mr Makhat, as someone who had connections in the government and could provide administrative support for the project, said that he was acting on behalf of Mr Satybaldy. Mr Kim was identified as the operational manager of the project, also on behalf of Mr Satybaldy.
17. They told me about their joint venture with GM to develop the bitcoin mining project including the following:

- (a) In or around late 2016, Mr Mirakhmedov had met Marco Streng, who was a founder of GM, a cryptocurrency and cloud mining company, which he owned with Marco Krohn. Mr Mirakhmedov and Mr Streng had discussed starting a bitcoin-mining venture in CIS countries. Mr Mirakhmedov had then approached his business partners, Mr Makhat and Mr Kim, to become involved.
 - (b) In or around April 2017, MMK had agreed with GM to create a joint venture in Kazakhstan on a 50-50 basis.
 - (c) They needed to find a cheap source of energy, with a total capacity of up to 100MW and an electricity price not exceeding US\$0.04 per kWh, and also to find land and a building near this energy source and prepare it for bitcoin mining on a “turn key” basis, by arranging to renovate it and to install an internet connection and other infrastructure.
 - (d) They said that GM was to provide the bitcoin-mining equipment and other technology and to connect these new bitcoin-mining factories to their existing infrastructure outside Kazakhstan.
18. A cheap energy source was very important for bitcoin-mining because it was a highly energy-intensive process due to the amount of computer power required for the mining.
19. MMK told me that they intended to obtain the cheap energy source for the bitcoin-mining project by purchasing a power station in Kazakhstan. They asked me if I could help them with that purchase, by introducing them to the owners of power stations available for purchase. I agreed that I could help them in finding that energy source, and I said I could arrange for an expert team to assess the suitability of each of the available power stations and introduce MMK to the owners to negotiate the purchase. At the time there were three power stations that I was able to offer them, the Ridderskaya, KarGRES 1 and Sogrinskaya power stations.
20. Shortly after my first meeting with MMK in May 2017, I met Mr Satybaldy at his offices in Astana to discuss the current status of other assignments from him. During that meeting he confirmed that he had recommended me to MMK. I understood by

that that he approved of the bitcoin-mining project and that he was giving me a “green light” that I should help them with it.

Stal and the ABK Buildings

21. In May 2017, either at this first meeting with MMK or another meeting shortly after that, I told them that I also owned some energy assets in Kazakhstan which I thought might be suitable for use for the bitcoin-mining project, if MMK could not purchase a power station. These assets were (a) Stal, an electrical sub-station in Karaganda, a city in Kazakhstan, with a capacity of 110/10 MW, and (b) a neighbouring factory, known as the Vtorprom Factory, and associated buildings, known as the ABK Buildings (an acronym for the Russian term “*administrativno-bytovoi korpus*”, or “administration and amenity block”), with surrounding land of 10 hectares.
22. I believed that Stal might be a suitable cheap energy source for the GM JV because:
 - (a) It was the only sub-station in the Karaganda power-generation system which was connected directly to the energy source provider (the Karagandinskaya TETs 3 power station), and not via the three other levels in the structure of the Kazakh energy market (the backbone networks, regional electric grid companies and power supply companies). Kazakh competition law required each of those entities to charge a price set by the state for electricity, which meant that the minimum price for electricity supplied via those entities would be US\$0.06 – US\$0.07 per kWh. Using the Stal sub-station allowed electricity to be provided via transit supply at a price of US\$0.02 per kWh (as later occurred).
 - (b) Stal had enough capacity for the bitcoin-mining factory because it could transmit 25MW for the initial bitcoin-mining factory (which I thought could be housed in the ABK Buildings) and further capacity of 50MW or more for additional bitcoin-mining factories which could be built on the 10 hectares of land on the site.
23. I was the ultimate beneficial owner of Stal, the Vtorprom Factory and the ABK Buildings which I held via corporate vehicles (originally Temirshi LLP and later KKS Karagandy LLP, which I owned beneficially, Temirshi as to 90% and KKS Karagandy 100%). I discuss the ownership of these assets below, but I make it clear in this context

that I owned those assets at all relevant times. I was not a “broker” or “intermediary” for the sale of those assets, as MMK have claimed.

24. I was in the process of selling Stal and assets of the Vtorprom factory to a Chinese entity, Hua Tun (Central Asia) Cable LLP (“**Hua Tun**”), and the deal was almost complete. Hua Tun was waiting for the last invoice from KKS Karagandy for the amount of US\$2,500,000.00 to finalise the acquisition of Stal. KKS Karagandy had also agreed to sell the Vtorprom Factory to Hua Tun for US\$5,000,000.00. The total contract price with Hua Tun amounted to US\$7,500,000.00. MMK asked me to consider a way to exit the contract with Hua Tun.

Further meetings with MMK

25. Following, this first meeting, I had further meetings with MMK, or Mr Makhat and Mr Kim when Mr Mirakhmedov was in London, to discuss the potential collaboration in the bitcoin-mining project. There were dozens of other meetings after my initial meeting with MMK in May 2017, and my London meeting with Mr Mirakhmedov on 10 June 2017 (which I describe below) at which I reached the London Agreement. These meetings were rarely with Mr Mirakhmedov, but rather more often with Mr Kim and occasionally with Mr Makhat. With Mr Kim we discussed all routine and operational questions such as how to connect the equipment to the sub-station, the electricity price, technological cycle and suitable assets. MMK were relying on my experience and expertise in energy sector in this regard.
26. My discussions about the bitcoin-mining venture took place at MMK’s offices in the same building as the Radisson Hotel. MMK’s offices consisted of approximately 10 rooms in total. Mr Makhat had his own room where most discussions took place. Mr Mirakhmedov also had his own room; however, as he was often out of the office, MMK’s employees Maxim Soulimov, Denys Rusinovich, and Sergey Yeltsov used it most of the time. Mr Kim did not have a private room and sat in the open space along with the commercial department, which included lawyers, accountants, and other back-office staff. When Mr Makhat was not present at the meeting, Mr Kim took the keys for Mr Mirakhmedov’s room, and we held our discussion there.
27. As part of our discussions, I shared with MMK the CVs of a team of energy experts, John Abbas, Elena Kaplunovskaya and Navid Ismail, who were self-employed

contractors, whom I invited to work to assess the power stations for MMK's purchase. I remember that I sent their CVs to Mr Kim, who wanted to examine them, as he was the operations manager of the project. After reviewing the CVs, MMK were impressed by their experience, competence and expertise and were happy to proceed with them.

28. Consequently, I organised a meeting at the Radisson Hotel in Astana on 6 June 2017 so that I could introduce the experts to Mr Makhat and Mr Kim. Mr Mirakhmedov was not at the meeting, as he was in the UK at the time, but he was aware it was taking place and he had seen the experts' CVs and approved of their involvement, as above. The meeting took place around 8 or 9 pm in the lobby bar, part of the large public space on the ground floor of the Radisson Hotel. We arranged ourselves on two sofas and two chairs.
29. Mr Makhat led the discussion with the experts. Mr Makhat did not say anything about the true nature of the project, as one involving cryptocurrency mining, because Mr Mirakhmedov had requested confidentiality. Therefore, we referred to the project as "energy-intensive production". This was an introductory meeting that lasted only 20-30 minutes. We had a brief conversation to ensure the experts' experience was suitable for the purposes of our joint project with MMK. During this meeting I agreed with Mr Makhat and Mr Kim that the expenses of this expert team would be shared between me and MMK 50-50.

B. THE LONDON AGREEMENT

30. In this section I set out what happened during the Iftar dinner on 10 June 2017 when my family went to the Mirakhmedovs' house at 27 Ingram Avenue, London and when I agreed the London Agreement with Mr Mirakhmedov and became a partner with MMK in the bitcoin-mining joint venture.

10 June 2017: the London meeting and the London Agreement

31. Mr Mirakhmedov lived in London at the time with his family. I was visiting London with my family for a holiday. Since I was travelling to London I was asked to bring a document of Mr Mirakhmedov's (I was not aware what type of document it was although he later said it was a passport) with me from Kazakhstan to the UK.

32. Mr Mirakhmedov and I exchanged WhatsApp messages on 9 June 2017 when I arrived in London. A copy of our messages, in Russian with English translation is exhibited to Mr Iatuha's statement at MI1, pp. 121-125. Mr Mirakhmedov has exhibited his own translation of these messages at AM2, pp. 13-15.
33. In those messages I contacted Mr Mirakhmedov to arrange to give him his document. He sent his driver, Sayeed, to my hotel to collect it. I also told Mr Mirakhmedov that I was meeting with Ildar Zakirov about a power station, KarGRES-1, which could potentially be used for the bitcoin-mining venture. I describe that meeting with Mr Zakirov below.
34. Mr Mirakhmedov, in his next message, then invited me and my family to an Iftar dinner (the evening meal during Ramadan when Muslims break their fast), which would be held at 27 Ingram Avenue in Hampstead Garden Suburb, after which he planned to go to Tarawih (night-time Ramadan prayers) at the London Central Mosque in Regent's Park. I accepted both invitations.
35. In these messages, Mr Mirakhmedov addressed me respectfully as "*Ereke*" to emphasise his warm disposition and attitude toward me (a common practice in Kazakhstan).
36. I told Mr Mirakhmedov that I had planned to go to a musical with my family that evening, which started at 7.30pm. Mr Mirakhmedov said his house was too far away from the theatre and we would not make it in time for Iftar. He did not want to spoil our plans.
37. However, I consciously chose not to go to the musical, in favour of accepting his invitation. As I told him in a message, "*brother, we will always have time for the musical ;)* And it may not always be possible to communicate with a brother like you... *We'll be at yours around 21:00*". I said we would arrive by 9pm. I was anticipating that we would finalise the definitive terms of our agreement, which had been already discussed in detail in Kazakhstan.
38. Mr Mirakhmedov claims (Mirakhmedov 1, para. 54) that he was "*quite relaxed*" as to whether I and my family attended Iftar dinner or not, suggesting that the dinner was not related to anything important like business discussions. However, Mr Mirakhmedov also said in the same messages, "*...hopefully we'll have [the] opportunity to have dinner together more than once...*". This was not just a social invitation; he was anticipating that he and I would have a future relationship and so

would meet more often in the future for dinner. This matches my understanding that we would be developing our business relationship. Additionally, Mr Kim had told me that he hoped that I would have an opportunity to meet Mr Mirakhmedov in London or elsewhere in order to conclude our agreement for the project. He repeated several times to me that Mr Mirakhmedov is the central figure in the project (to correct my initial impression that the central figure was Mr Makhat, because he had the connection Mr Satybaldy, who had recommended that I be invited onto the project).

39. As I told Mr Mirakhmedov, on 9 June, I met with Mr Zakirov, the owner of the KarGRES 1 power station (one of the potential power stations for the joint venture) and a close acquaintance and colleague of mine in the energy and coal sectors. I telephoned Mr Zakirov in advance, inviting him and his wife to a restaurant near Harrods at around 9pm, along with my wife and son.
40. But before the dinner I met Mr Zakirov earlier in the day at around 2pm, when he came to my hotel, the Landmark. My eldest son, Noyan, arrived from Exeter (where he was studying) around the same time. I asked him to allow Mr Zakirov and me to speak privately and so Noyan went to join my wife, who was at Harrods. Mr Zakirov and I spent 2-3 hours discussing various business matters, including an option he had already granted me (by a preliminary agreement in around 2015) to purchase the KarGRES 1 power station for \$25 million. Later that day, Mr Zakirov picked me up in his car, then we picked up my wife and son from Harrods and went to the restaurant for dinner.
41. At the restaurant, amongst more routine topics (such as property, schools, universities and life in the UK), we also discussed the option Mr Zakirov had granted me to purchase KarGRES-1. Knowing that I would likely start working with MMK on the bitcoin-mining venture, I decided to discuss this option with Mr Zakirov to see if it remained in force. Being a reasonable businessperson, Mr Zakirov began negotiating the deal in his favour, claiming that KarGRES-1 was in excellent condition and attempting to increase the sale price, whereas I pointed out that KarGRES-1 had its shortcomings, trying to decrease the price. In the end, we agreed to wait for the due diligence on KarGRES-1 to be completed and then return to our negotiations after that.

42. The following evening on 10 June 2017, my family and I went to the Mirakhmedovs' house at 27 Ingram Avenue by Uber and arrived at around 8.40pm. This was earlier than the time at which we had been invited to come, 9pm.
43. We entered the house and greeted each other. I introduced my wife, Gulmira, and my son, Noyan, and Mr Mirakhmedov also introduced his wife and eldest son. I recall that Mr Mirakhmedov's wife was heavily pregnant at the time. The rest of the Mirakhmedov family were upstairs and did not join us for dinner. When we arrived, Mr Mirakhmedov showed us around the ground floor of the house.
44. He told me about the purchase of the property and the substantial funds spent on renovations, amounting to £10 million (including the price of the property itself). He told me about his significant involvement in the renovations of the property, which he had designed himself, chosen the finishing materials and meticulously selected the furniture. He evidently took great pride in the property, which he called his home and his family nest for him, his wife, and children. I remember that he told me that to achieve the height of the ceilings on the ground floor, he had to remove a large amount of soil to level the floors down in order to increase height of the ceiling, as evidenced by the presence of several downward steps by the front door when entering the house. I also recall that the house had marble floors.
45. While dinner was being prepared, Mr Mirakhmedov suggested that our wives spend some time alone together and they went to talk in the living room. He also suggested that our sons have some time to themselves, and they went to a different room together. He then invited me to a separate room, where we began finalising the details of our project in cryptocurrency mining. We were in that room between 9pm and 9.20pm. Mr Mirakhmedov told me during our discussions that he was representing "*all brothers*", i.e., himself, Mr Makhat and Mr Kim.
46. Mr Mirakhmedov asked me if I was confident in my ability to provide a cheap source of energy for the cryptocurrency mining project and whether I had any connections that could assist with this goal. I responded positively, informing Mr Mirakhmedov that if we were unable to secure a cheap source of energy from my network of contacts, I would be prepared to allocate my assets for the purpose of the project. Mr Mirakhmedov was impressed with this and agreed to it. The deadline set by GM for finding a cheap source

of energy had passed and MMK had been unsuccessful in this task, putting the project at risk of failure. Subsequently, we were informed that dinner was ready, and Mr Mirakhmedov and I left the separate room to join the others at table.

47. We sat down at the table at around 9:20 PM, starting off with figs and water, followed by the Maghrib (sunset) prayer and then eating dinner. The Ramadan fast causes one's stomach to contract, reducing the capacity for food. The opening was unusually brief, lasting about 5 minutes. Although the table was set abundantly and with elegance, the shortness of the meal meant we could not fully savour the array of dishes. Nevertheless, the atmosphere remained congenial, with heartfelt exchanges underscoring our intentions to forge a partnership and deepen our acquaintance.
48. In the company of our wives, we refrained from engaging in business discourse. I agree with Mr Mirakhmedov (at Mirakhmedov 2, para. 16.2) that we did not discuss business in front of our wives; however he has omitted the discussions which we had in private before and after the meal. I do not agree with him that there are any customs or rules against discussing business during Ramadan or before/after an Iftar dinner. Instead, I recall that during dinner, Mr Mirakhmedov recounted an edifying anecdote about extending support to a former classmate who had unexpectedly fallen into hardship, detailing the assistance he provided.
49. After the meal, Mr Mirakhmedov and I went back to the separate room and continued our discussion regarding the bitcoin-mining project for around an hour.
50. We revisited the discussions which I had held in Kazakhstan with Mr Mirakhmedov, Mr Makhat and Mr Kim (and some matters I had discussed with the latter two without Mr Mirakhmedov) and their employees/associates, reiterating only the key details and understandings.
51. As above, I had already told Mr Mirakhmedov, Mr Makhat and Mr Kim in our meetings in May 2017 that I would assist them in finding an affordable energy source, not exceeding \$0.04 per kWh, which involved introducing them to owners of various power stations, so that they could negotiate the purchase. I had also told them that I owned Stal which could ensure transit supply of cheap electricity for the mining project. I reiterated these points to Mr Mirakhmedov. I told him that if he, Mr Makhat and Mr Kim failed to secure a deal to purchase a power station, I would provide my

assets (Stal) as the energy source for the project. Therefore, when me and AM met at 27 Ingram Avenue, we already had discussed and understood the key points in our potential deal.

52. Mr Mirakhmedov's primary concern centred on the availability and affordability of electricity for the project. He stressed that without this, the project would not proceed.
53. My assurances regarding the power supply were founded on a comprehensive understanding of the Kazakhstan energy sector, in which I had worked for 20 years. I was privy to the fixed tariff rates endorsed by the Kazakh anti-monopoly authorities, including those at the Karaganda Power Plant (Karagandinskaya TETs 3). I had been informed through discussions with knowledgeable contacts in the anti-monopoly authority, as well as with the owners and managers of various power plants, that any potential increase in electricity rates would remain marginal.
54. Therefore, I confidently guaranteed to Mr Mirakhmedov a rate of 7.5 Kazakh tenge (for Karagandinskaya TETs 3) and 8.3 tenge (for the other plants) (around \$0.024 and \$0.027, respectively, at the time). I said I could substantiate this with a contract for the ensuing six months, the duration permitted by regulatory authorities for such a rate to be secured. I also reiterated this point to Mr Mirakhmedov during our London meeting, where I once again guaranteed him these rates for three power stations – Karagandinskaya TETs, KarGRES-1, and Sogrinskaya. My pledge of a reliable and cost-effective power supply was not speculative but was predicated on detailed industry insights. I knew that I could obtain this rate via Stal (if it were required to be used for the project) because of Stal's connection directly to the energy source provider which avoided the additional costs generated by the indirect connection of most power substations, as explained in para. 22(a) above.
55. Upon receiving my solid assurances that I could secure this cheap electricity rate, backed by a commitment of my assets, Mr Mirakhmedov was notably satisfied.
56. In return, Mr Mirakhmedov promised me:
 - (a) 35% of his, Mr Makhat and Mr Kim's shares in the company which would be established for the joint venture;

- (b) 35% of the bitcoin which they received from the joint venture; and
- (c) an additional sum which represented the difference between the maximum price of \$0.04 per kWh set by GM and the actual price at which electricity was obtained for the venture.

- 57. Mr Mirakhmedov and I shook hands to signify that we had reached an agreement.
- 58. We were able to reach an agreement in a relatively short discussion over around 1 hour and 10 minutes in total, because we had already discussed the key issues and contours of our deal in our earlier discussions in Kazakhstan.
- 59. At around 10.50 pm Mr Mirakhmedov and I, and our sons, went from 27 Ingram Avenue to the mosque for Tarawih prayers. I remember that Mr Mirakhmedov ordered a taxi (possibly an Uber) so we would be able to make it on time, as when we had finished drinking tea the taxi was already waiting for us outside. Meanwhile, my wife stayed at home with Mr Mirakhmedov's wife.
- 60. When we were leaving Mr Mirakhmedov's house, he also offered to look after my son in the UK: inviting him to spend more time with his son, to prepare them for future work in this project, as Mr Mirakhmedov saw an opportunity for their future professional development. Moreover, throughout my discussions with Mr Mirakhmedov at his house described above he would frequently refer to our sons and how our project would provide a place for our sons to work and develop and eventually take over the business, and that the dividends from this project would ensure decent living in the UK and allow our children to study at prestigious schools and universities
- 61. At the mosque, we read Isha (the fifth and final daily prayer) and Tarawih Namaz (a prayer during Ramadan). We went outside the mosque and ordered an Uber, for which we waited for about 15 minutes, but which then cancelled due to the large number of people leaving the mosque after the prayers. Consequently, Mr Mirakhmedov suggested that we walk to the Landmark Hotel (where me and my family were staying), which took about half an hour at a leisurely pace, with our sons following us, talking between themselves. In the meantime, my wife got from Mr Mirakhmedov's house to the Landmark Hotel by taxi, which was called by AM's wife.

62. During this walk to the Landmark Hotel, Mr Mirakhmedov and I reviewed the critical aspects of our collaboration. It was essential to detail and comprehend the development phases of the business venture in Kazakhstan. He sought to understand the timeframe needed for due diligence on the three power stations, the depth of my connections with the asset owners, and an estimate of the potential acquisition costs.
63. I enquired who would be the primary contact for business discussions, whether it would be Mr Mirakhmedov himself or Mr Makhat. Mr Mirakhmedov said that he would shoulder all the financial responsibilities, not Mr Makhat or Mr Kim. Mr Kim would handle all operational aspects of the project due to his full-time involvement. Mr Makhat, on the other hand, due to his partial availability, would limit his contribution to administrative support and strategic oversight. Mr Mirakhmedov assured me that communication with any one of them was tantamount to engaging with all three of them.
64. On our return to the Landmark Hotel, I announced to my wife and son that I had reached an important agreement that day on a partnership in a cryptocurrency mining project in Kazakhstan, where I had been offered a decent share. I said the project was very promising, promised to become immediately profitable and that, in addition to Mr Mirakhmedov who had offered me today to become a partner in this venture, there were also Europeans involved who already had a lot of experience in this field.
65. I also sought my wife's perspective on the trip. She spoke highly of our newfound relationship with the Mirakhmedov family, noting that they shared common values and that she had got on really well with Mr Mirakhmedov's wife, and it helped that our sons were about the same age.
66. Later, when we were back in Kazakhstan, my wife passed on a critical observation regarding Andrey Kim, relaying a cautionary advice from Mr Makhat's wife, Karolina, who had privately expressed to my wife her reservations about Mr Kim: *"Please advise Yermek to exercise caution with Andrey Kim; he is untrustworthy"*, Karolina had warned. However, I did not pay attention to her words, because I trusted MMK at the time, especially Mr Makhat.

67. It was after I reached this agreement in London with Mr Mirakhmedov that I started introducing myself as MMK's partner in the bitcoin-mining venture. MMK also called me their partner to other people as well.
68. The fact that I was MMK's partner in the joint venture and had a defined share of the profits amounting to 35% of MMK's half-share is evidenced by a document that was prepared in August 2017 by the MMK employee Vaha Goigov (who is discussed by MMK in their witness statements as an important person in this case). This document consists of a model forecast of the GM JV's profits (**page 3-5**) and was sent to me by Mr Goigov via WhatsApp at the request of Mr Kim (**page 6-16**). It provides a forecast of the GM JV's profit and losses (bottom left corner) which reads as follows:

Overall P&L calculation

Investment	36,000,000	USD
Overall hashrate	125.53	PH/s
Profit for 3yrs	33,277,544	
KZ side's income	16,638,772	
Income of KZ partner (EA)	5,823,570	

It envisages that the "KZ [Kazakhstan] side's income" of the joint venture will amount to \$16,638,772, which is 50% of the anticipated profits of \$33,277,544. The document then refers to "Income of KZ partner (EA)", i.e. my initials (my name is written in Russian as "Ermek Alimov") with a figure of \$5,823,570, which is exactly 35% of \$16,638,772 (the Kazakhs side's 50% of the profits). This document confirms that I am correct in stating that I was a partner and had 35% of MMK's stake in the joint venture. It shows that at the very least I had genuine prospects of success in this venture.

69. I only found this document during the process of preparing this statement while looking through the WhatsApp messages on my old mobile phone. This document was not available either to me or to my lawyers at the time of submission of my application for service out of the jurisdiction. Had it been available, I naturally would have relied on it in my previous applications.

Response to Mr Mirakhmedov's account of the London meeting

70. As can be seen from my evidence above, I disagree with Mr Mirakhmedov's evidence that we did not have any business discussions at 27 Ingram Avenue on 10 June 2017, and his statement that we did not reach an agreement. I respond to specific points in his account of the dinner that evening below.
71. The timings and other details of the evening given by Mr Mirakhmedov in Mirakhmedov 1, paras. 22-29 are incorrect.
72. First, Mr Mirakhmedov claims that my family and I arrived at his house at 9.15pm. He says we had already been out in central London and that he refreshed his memory from the printout of the tickets we had to the musical (I sent him a screenshot of the tickets at the time). He says that he does not know if we went to the musical but, if we did, we must have left in the interval at 8.50pm to get to his house for 9.15pm: Mirakhmedov 1, paras. 23-25. However, he knew that we did not attend the musical because he told me in his WhatsApp message on 9 June 2017 that we would not have time to get from the theatre to his house for Iftar and I replied that we would not go to the musical but would come for dinner instead.
73. Mr Mirakhmedov could easily have reminded himself of this by checking his WhatsApp messages before making his witness statement. He does not refer to the messages in Mirakhmedov 1, but only Mirakhmedov 2, which was prepared after he saw that I and my solicitors relied on these messages for my application for permission to serve out (exhibited to Iatuha 1).
74. I find it surprising that Mr Mirakhmedov could have genuinely believed that we might have gone to the first half of the musical at a West End theatre and then left in the interval at 8.50pm and reached his house (in Hampstead Garden Suburb) by 9.15pm (as he speculates in Mirakhmedov 1, para. 25) when he himself said in his WhatsApp message we would not make it from the theatre in time for Iftar.
75. Mr Mirakhmedov says in Mirakhmedov 1, para. 29 that we went to the mosque for Tarawih prayers which started at 10.33pm. He does not independently recall when we left his house but he says he has now checked, the journey time is around 25 minutes, and so "*we would have left at around 9.55pm*". However, he exhibits (AM1, p. 61)

Ramadan prayer times for 2017 (from East London Mosque) which shows that Isha and Tarawih were observed at 11pm each day at the mosque, and not at 10.33pm as he says. That accords with my recollection that we reached the mosque for Isha and Tarawih for 11pm.

76. His account suggests that my family and I were at the house for only 40 minutes (9.15pm to 9.55pm) which was only just enough time for dinner. That is incorrect as we were there for over 2 hours (8.40pm to 10.50pm). He omits his and my business discussions in the separate room at the house before and after dinner. He also omits any mention of our walking back from the mosque to the Landmark Hotel together, or our discussions on the walk.
77. Mr Mirakhmedov claims (in Mirakhmedov, paras. 30-31) that it is absurd that he would have handed over 35% of the business which belonged to him. He omits to mention a number of important points:
 - (a) There was no business at the time, only a potential project with GM for which MMK were obliged to find a cheap energy source and they had not been able to do so. Without that cheap energy source the project could not get off the ground. Without exaggeration, I was MMK's last hope to realise this project in Kazakhstan and not disappoint GM. As a result, they offered me a generous partnership if I could find a cheap source of energy, either by buying a power station or by using my energy assets.
 - (b) I had been recommended to them by Mr Satybaldy as a person who could secure them that energy source by introducing them to the power station owners.
 - (c) I had extensive discussions with Mr Makhat and Mr Kim in Kazakhstan when Mr Mirakhmedov was in the UK (with his approval) which outlined the main points of our potential deal. I had introduced them to my team of energy experts and MMK (including Mr Mirakhmedov) had approved them to assess potential power stations and to manage these assets thereafter.
 - (d) I did ultimately secure them that cheap energy source for bitcoin mining by providing Stal (as later occurred). Stal is still used by GDA's ventures to this day. Yet, as I explain below, Stal and the ABK Buildings were transferred at far below

their true value. This is because I was not selling them for market value, but only transferring them at accounting book value because I was a partner in the venture. (I was never paid the market value for giving GDA Stal, its first energy asset in Kazakhstan and the nucleus of all its operations there.)

78. Mr Mirakhmedov claims in Mirakhmedov 1, para. 32 that he would never have entered into this agreement without agreeing proper terms, taking legal advice or recording them in a shareholders' agreement. However:

(a) in Kazakhstan, especially amongst “old-school” businessmen, there is a common understanding that a deal is conducted on a gentlemen’s agreement without any written contracts in place. Occasionally, there will be documents signed between them, but only to make sure that the assets are transferred in according with the law. MMK themselves claim that they entered into an oral agreement with me to pay me \$1.6 million in bitcoin as supposed “commission”. I agree that I had an oral agreement with them, but it was the London Agreement on the terms above, not an agreement for the payment of commission.

(b) Mr Mirakhmedov did not operate the venture as formally as he suggests. As I explain below, I spent months chasing MMK, especially Mr Kim, for documentation of my interest in the joint venture and to be issued shares in the joint venture company but I was consistently refused. I did not know at the time, but I have later learned from documents obtained by my solicitors that Mr Mirakhmedov incorporated GDA in Cyprus on 15 June 2017 (**page 17-20**) (just five days after our meeting in London). However, he did not transfer shares in it to Mr Makhat or Mr Kim until 30 September 2020 (and not to Mr Streng and Mr Krohn of GM until 14 May 2020). The bitcoin-mining factory based at Stal and the ABK Buildings had been operating since December 2017 and yet Mr Mirakhmedov did not formalise relations with Mr Makhat and Mr Kim for nearly three years. Before being issued with shares, Mr Makhat and Mr Kim must have been operating on the basis of trust in Mr Mirakhmedov that he would give them shares in GDA. I operated on the same basis, but Mr Mirakhmedov broke that trust.

79. MMK and their solicitors have alleged that my account of the 27 Ingram Avenue dinner and the London Agreement is fabricated because my solicitors did not include it in the

letter of claim when they sent on 24 June 2022 (a year before I issued my claim). This is untrue; the dinner happened as I have described above and Mr Mirakhmedov and I concluded the London Agreement.

80. In the letter of claim I set out the facts about my agreement with MMK for the bitcoin-mining project involving Stal and the ABK Buildings (along with two other projects, focused on Sogrinskaya and KarDOK, as explained in paragraphs 139-149 below, which do not form part of my claim). In the letter of claim, I alleged all the same terms and my same percentage interest in the ABK project as I do in the POC and above (35% of MMK's interest, 35% of the bitcoin which they received, and the difference between GM's benchmark electricity price and the actual electricity price achieved by the project). In the letter of claim I was only intending to summarise the facts on all three projects. I did not specify that the agreement for the ABK project had been concluded in London because I did not anticipate that the place where the agreement was reached would be important. I did not expect MMK to contest jurisdiction at all. As far as I knew, Mr Mirakhmedov lived in London (and my solicitors sent the letter to his London addresses. I was also living in London by that time and so I assumed that the case would be fought in London. It was only after I saw the Defendants' responses to the letter of claim, which disputed jurisdiction in more detail than they disputed the facts of the case, that I understood that it was important that the agreement for the ABK project was reached in London.

Response to Mr Makhat and Mr Kim's evidence on the London Agreement

81. Mr Makhat and Mr Kim were not at the London meeting on 10 June at 27 Ingram Avenue and so they cannot comment on what was said between me and Mr Mirakhmedov.
82. They argue that even if Mr Mirakhmedov did reach an agreement with me, he was not acting on their behalf and he did not bind them (Makhat 1, para. 37, Kim 1, paras. 20-24). However, that is not a true reflection of their relations, as I observed them and as I was told about them.
83. First, Mr Mirakhmedov was the only one financing the joint venture, not Mr Makhat and Mr Kim, and so he was the ultimate decision maker. Mr Makhat and Mr Kim only received an interest in the business because they were Mr Mirakhmedov's main business partners and he had agreed to give them interests – not because they had contributed any

funding of their own. They never paid a penny to the joint venture, either for Stal or for the ABK Buildings (or for that matter for the venture based at Sogrinskaya which I describe below).

84. In contrast, I was contributing my knowledge and expertise, backed by a promise to contribute my own assets, as I later did by providing Stal and the ABK Buildings, in exchange for an interest in the business. Had I not agreed to assist MMK and enter a partnership with them, the project would not have existed, as they would not have had an energy source.
85. Secondly, Mr Mirakhmedov himself told me on 10 June 2017 specifically that he was acting on behalf of “*all brothers*”, i.e. Mr Makhat and Mr Kim, and that communicating with one of them was the same as communicating with all of them. He had also authorised them to carry out the discussions with me and my team in Kazakhstan in May 2017 on his behalf while he was in the UK.
86. Thirdly, MMK worked in a single set of offices in Astana and Mr Mirakhmedov says that the three of them had worked out of a set of offices in Dubai since 2018 (Mirakhmedov 1, para. 13). In my interactions with them, they functioned as three partners in one business. In their witness statements Mr Mirakhmedov and Mr Kim refers to “*we*”, “*us*” and “*our*” to refer to the three of them collectively (Mirakhmedov 1, para. 13; Kim 1, para. 12).
87. Fourthly, while Mr Makhat claims that Kazakh law takes a “*formalistic and strict*” view of how agreements are entered into and that the agreement should have been written down, as above, I note that, as above: (a) Mr Makhat himself says that he entered into an oral agreement with me to pay me \$1.6 million in bitcoin as “*commission*”, without this ever being written down and yet he claims that it was performed; and (b) Mr Makhat did not receive his shares in GDA until September 2020 and yet operated as a partner in the venture without any documentation and on the basis of trust in Mr Mirakhmedov since December 2017.
88. Fifthly, Mr Kim acknowledged that I was a partner when he instructed his employee Mr Goigov to send me the document containing the profit model that is mentioned at para.

68 above, which refers to “Income of KZ partner (EA)” with a 35% share in the profits, i.e. to me (**pages 3-5**).

89. Sixth, I had the most interactions with Mr Kim, as the partner with full-time responsibility for the operations of the venture. He acknowledged that I was a partner in the venture and would become a shareholder in it. For instance, in his Telegram message to me on 16 February 2018 (**page 28-29**), he said (taking his own translation):

“Besides, brother, we are all undocumented anywhere, you can see yourself, we are not hiding anything from you. Do you really think that one of us is going to cheat someone?”

“Brother, this is not HIS [Mr Mirakhmedov’s] deal, this is our deal. I think that his proposals were great, he pays for everything in full no matter what, we’re becoming shareholders, it is possible to find anywhere people with such a broad SOUL nowadays?” [emphases added]

90. In Kim 1, para. 67, Mr Kim tries to explain away the clear meaning of his words “*we are becoming shareholders*” in that message as referring to him, Mr Makhat and Mr Mirakhmedov becoming shareholders in the deal, but not my becoming one. But that is clearly not the meaning of the words. If I was not going to become a shareholder it would be irrelevant for Mr Kim to tell me that they were becoming shareholders.
91. Mr Kim tries to dispute the translation which I obtained of these messages (**pages 21-35**). Most of the disputes he raises on the translation are irrelevant and do not change the meaning of the words. I accept there was one material inaccuracy in the translation attached to the letter of claim, in that the Russian words translated as “*we are shareholders*” should be “*we are becoming shareholders*”. However, that was already corrected in the quotation of that message in POC, para. 50 and in Iatuha 1, para. 67 and I relied on that corrected translation, which matches Mr Kim’s.
92. However, notably, there is a serious mistake in his translation which is inaccurate and his reliance on it is misleading. In Kim 1, para. 68 he refers to his message timed at 20:06 claiming, “*I stated that I managed to convince ‘my partners’ as opposed to saying, for*

example, ‘our partners’.” However, the Russian original of this message does not say contain the word “my”, it just says “partners”.

93. In fact, in another of his messages earlier in the same chain (**pages 24-25**) he did tell me that he had consulted with “our partners” and he treats me as a partner in the venture more generally. Those messages read:

Andrey Kim: [00.28] *“Brother, afterwards we met with our partners and discussed our projects, there are problems with delivering equipment, there are delays on the manufacturer’s side and therefore they offered for their 50% share in Sogra they will pay \$4 million to Abdulmalik in order to share his risks. I asked them if they will consider buying out a share of more than 50%? They replied yes. We, together with Rashit are thinking about it. Please think about it.”*

Yermek Alimov: [00.29] *“Understood. What does it mean for us?”*

Andrey Kim: [00.36] *“If we want, we can get out of the deal for \$1 million based on the valuation of \$8 million. And if we want to get into the mining related business, we will need to make contributions towards purchase of the machines. But the machines will not be available for sale until summer.”*

Yermek Alimov: [00.37] *“Understood. I thought they lost faith in Kazakhstan...”*

From the context, the reference to “our partners” appears to be a reference to GM as the other 50% partner in the venture. Notably, Mr Kim included me in referring to GM as “our” partners and asked me to think whether I wanted to buy out GM’s 50%, along with him and Mr Makhat. That clearly indicated that I was a partner in the business along with them. I replied, *“What does it mean for us?”*, including myself with MMK. Mr Kim did not ask why I had done so but said referred to what “we want”. He was clearly treating me as a partner along with him, Mr Mirakhmedov and Mr Makhat.

C. DEVELOPMENT OF THE BITCOIN-MINING VENTURE

94. Following my meeting with Mr Mirakhmedov in London, I introduced MMK to the owners of power stations in Kazakhstan and helped organise the expert assessment by

commissioning the team of experts. The three available power stations at the time were KarGRES 1, Ridderskaya and Sogrinskaya.

95. I introduced Mr Mirakhmedov, Mr Makhat and Mr Kim to the owner of the KarGRES 1 power station, in Karaganda. Mr Mirakhmedov admits that the three of them went on a visit with me and a team of experts to Karaganda that summer to see a potential site (Mirakhmedov 1, para. 16(2)).
96. I also introduced them to a representative of the owner of Ridderskaya. I sent information on Ridderskaya by email to Mr Kim, which I had received from my team of energy experts (Mr Abbas, Ms Kaplunovskaya and Mr Ismail) (**pages 36-40**)
97. Mr Mirakhmedov and Mr Makhat personally conducted negotiations to buy two of the power stations, the KarGRES 1 and Ridderskaya stations, but they were unsuccessful by July 2017.
98. After the failure of these negotiations, MMK asked me personally to conduct negotiations for the remaining power station, Sogrinskaya, because I was on good personal terms with the beneficial owner of the station, Mr Idrisov (and MMK were not). Those negotiations took a long time (they were only successful in October 2017, as below).

Use of Stal and the ABK Buildings for the venture

99. In the meantime, by July 2017 I believe that MMK were approaching GM's deadline to provide an energy source and location for the bitcoin-mining premises and the GM JV was at risk. Under the London Agreement, I had guaranteed that should MMK not find a cheap source of energy, I would provide my own assets, Stal and the ABK Buildings, to launch the crypto farm. That was exactly what I did.
100. By the end of July 2017 it had been decided between me and MMK that we would use my assets (Stal and the ABK Buildings) for the GM JV. This is evidenced, for example, by the spreadsheet of assets and costs for the GM JV that Mr Kim drew up for provision to GM, which he sent to me via email on 23 July 2017 (**page 74-77**), one line of which refers to "Y. Alimov's facility" as an asset of the joint venture, i.e. this is a reference to Stal and the ABK Buildings. (In this spreadsheet the value of this

property is specified as US\$ 16 million and it is said to have been purchased from me. That is not correct. It was not purchased from me: this was my contribution to the joint venture as had been specified by the London Agreement, and 16 million dollars was an overstated value of the assets, as all the parties recognise in their statements. I suspect that Mr Kim included this false information regarding its purchase for 16 million dollars in order to ensure an equivalent level of investment from GM as the other 50 percent participant in the GM JV,. However, the spreadsheet clearly states that it was specifically my assets that were used.

101. I owned Stal and the ABK Buildings through Temirshi LLP, where I was the ultimate beneficial owner of a 90% interest in that entity (a limited liability partnership), with the remaining 10% held by the Skopenkov family. Those assets were intended to be transferred, and subsequently were transferred, to KKS Karagandy, a company of which I was 100% ultimate beneficial owner.
102. As above, KKS Karagandy had already reached a preliminary agreement in March 2017 (two months before I met MMK) to sell Stal and the Vtorprom Factory (**pages 41-56**). The agreement had been marked with an endorsement but it had not been signed. After March 2017 KKS Karagandy continued to engage in negotiations with Hua Tun which resulted in the signature of an agreement on 13 June 2017 (**page 57-73**). However, this was a preliminary agreement, and I understood that I would be able to remove Stal from the transaction should it prove necessary. The agreement of 13 June 2017 was signed in order to prevent the entire transaction from falling through, principally in relation to the sale of Vtorprom's assets. KKS Karagandy was behind schedule to transfer those assets to Hua Tun and invoice it for payment. Over June and July, the buildings were in the process of being transferred to Hua Tun and Hua Tun was making payments to KKS Karagandy, but I deliberately did not transfer Stal to Hua Tun.
103. I informed MMK about the stage of the sale process which had been reached with Hua Tun. MMK asked me to terminate the agreement with Hua Tun without incurring damages or penalties, which Hua Tun might have claimed due to the breakdown of the deal. Consequently, and I discussed this with Mr Kim in particular, it was decided to invoke the force majeure clause of the contract between Hua Tun and KKS Karagandy. A letter to this effect was sent to Hua Tun dated 31 July 2017. (Mr Kim's comments on

this letter (in Kim 1, paras. 30-33) are wrong; the reasons given in the letter were pretexts to justify our trying to renegotiate the deal, as he knew at the time.)

104. After the letter was served, I requested that the representatives of Hua Tun, who were Kazakh nationals involved in the project (related to the purchase of the Stal Substation and Vtorprom Factory), assist in repudiating the contract. In return, I offered them my flat in Astana, which I had purchased for my son, my black Mercedes-Benz S500 W222, cash, and Mr Makhat also offered them his white Mercedes-Benz S500 W222. Subsequently, Mr Kim, who had not contributed to these gifts, offered to compensate me by providing a flat of his, so I could give it to my son. As a result, on 14 November 2017, Mr Kim arranged for his flat to be transferred into my wife's name, as shown by the contract at **page 78-83** (The legal owner of this flat was a Gennadiy Antonovich Kim, who I understand was a relative of Mr (Andrey) Kim, the Third Defendant, who was the beneficial owner of the flat.)
105. Hua Tun agreed to renegotiate the deal and Stal was removed from it, deducting \$2.5 million from the original sale price, so that the Vtorprom Factory and the administrative buildings associated with the factory were sold for \$5 million. This was recorded in an amended agreement dated 21 November 2017 (**page 84-88**).
106. Stal and the ABK Buildings were both in an inadequate condition and required renovation work and investment if they were to be used for their intended purpose, as I had already informed MMK. The renovation works to Stal and the ABK Buildings took place between August and December 2017. Mr Kim and I had overall supervision of the works, and they were supervised on the ground by my brother Aydyn Alimov (who at that time was a director of Temirshi and who had managed Stal and the Vtorprom Factory) and Arman Naurzaliev (the director of KKS Karagandy) and they describe them further in their witness statements.
107. MMK lacked sufficient funds to pay for all the works, I paid half of this sum (out of the proceeds of sale of the Vtorprom Factory which I received from Hua Tun). MMK repaid me between December 2017 and April 2018, after considerable chasing, using bitcoin generated by the GM JV.
108. The bitcoin mining factory became operational in December 2017, based at the ABK Buildings and using Stal as an energy source, with a direct connection to the

Karagandinskaya TETs 3 power station. It became known to us as the ABK Project and started generating bitcoin. MMK still operate these premises to this day at this site, using Stal.

Ownership of Stal and the ABK Buildings

109. Mr Makhat and Mr Kim have inaccurately speculated about KKS Karagandy's ownership of Stal, arguing that Karagandy 'flipped' Stal having only bought it in February or June 2017 and then quickly sold it onto to Hua Tun (Kim 1, para. 33) and that I did not own Stal at the time (Makhat 1, para. 37(j)). This is untrue and misleading.
110. As above, the original corporate owner of Stal, the Vtorprom Factory and the ABK Buildings was Temirshi. I was the beneficial owner of 90% of Temirshi. The remaining 10% was owned by the Skopenkov family. I had a dispute with them as the widow and daughter of the original owner (who had been killed in a car accident) refused to sell their interest to me, disputing that before his death I had signed a preliminary agreement with the original owner to buy his 10% interest. Issues also arose from his family's inheritance of his interest after his death.
111. In 2016 and 2017, I had made arrangements to sell Stal and the Vtorprom Factory to Hua Tun. I was concerned that the disputes with the minority owners of Temirshi would create difficulties if the assets were sold directly from Temirshi to Hua Tun. For this reason I arranged for Temirshi's assets to be transferred to KKS Karagandy, a company which I owned beneficially 100%, in order to facilitate the sale to Hua Tun. The transfer was carried out solely for the purpose of the sale.
112. Therefore, I was the ultimate beneficial owner of Stal, Vtorprom Factory and the ABK Buildings at all times and the transfer was simply between one corporate vehicle (Temirshi, of which I was 90% beneficial owner) and another (KKS Karagandy, of which was 100% beneficial owner). The properties were transferred from Temirshi to KKS Karagandy for their accounting book value (which comprised the debt incurred for the renovation works on the properties), not for market value. This is explained further in the witness statements of my brother, Aydyn Alimov (who managed operations at Stal and the Vtorprom Factory), and Mr Naurzaliev (the director of KKS Karagandy).

Transfer of Stal and the ABK Buildings to Prima Investment

113. In around January 2018 I informed MMK that there was a risk that the former minority owners in Temirshi might initiate court proceedings against KKS Karagandy seeking to claim Stal and the ABK Buildings, and could use these proceedings to extort money from us.
114. Mr Makhat and Mr Kim requested that I transfer Stal and the ABK Buildings to Prima Investment, a company owned by Mr Makhat, before the creation of the proper corporate vehicle for the GM JV. As a result, Mr Makhat and Mr Kim said that an apparent “sale” of the assets to Prima Investment would protect the assets against these threatened claims, as under the Kazakh law, Prima Investment would be a “genuine buyer”, and it would not be possible to claim assets back from them. I agreed to this and consequently it was decided to transfer Stal and the ABK Buildings from KKS Karagandy to Prima Investment at a nominal value that was arrived at based on its book value or an approximation of it, not for market value.
115. Stal was transferred to Prima Investment on 22 January 2018 for 53m tenge, equivalent to \$159,000, and the ABK Buildings on 24 January 2018 for 285m tenge, equivalent to US\$855,000 (**pages 89-115**). These transfer sums were set without any negotiation between me and MMK (or between the companies), because it was not a genuine sale, just a transfer of the assets for use by the joint venture. In contrast, when I had negotiated the sale with Hua Tun, I negotiated on the price and achieved a genuine market price of \$2.5 million for Stal.
116. These precautions proved justified because on 15 February 2018 the minority owners of Temirshi brought a court claim seeking to invalidate the transfer of the assets from Temirshi to KKS Karagandy (**pages 278**) as well as other resolutions and obtained a judgment on 05 May 2018 partly in their favour (**pages 116-134**) invalidating some decisions relating to the transfers. The court also upheld a counterclaim invalidating some of the Skopenkovs’ actions. In the POC (para. 40) I stated that the claim had already been submitted when the assets were transferred to Prima Investment on 24 and 26 January 2018. I have now located the statement of claim and I can see it is dated 15 February 2022, soon after the transfer; in January 2018 I anticipated that

claims were likely to be submitted, and I communicated this to MMK (as I explain at para. 113 above).

117. Mr Kim received this judgment and passed it onto Mr Makhat, as Mr Kim told me in a WhatsApp message on 29 August 2018, describing the judgment (ironically) as a “*surprise*” (**page 135-140**). Mr Makhat claims (Makhat 1, para. 48) that he was not aware of these court claims relating to Stal and the ABK Buildings at the time, but seems to be wrong because, as Mr Kim told me, the judgment was sent to Mr Makhat in August 2018.
118. MMK’s case that the asset transfers from KKS Karagandy to Prima Investment were a sale for market value is incomprehensible to me. They do not explain why I would cancel the Hua Tun contract and turn down its offer to purchase Stal for \$2.5 million and then sell it to MMK for \$159,000 shortly afterwards. Even including the \$1.75 million in bitcoin which MMK paid me and which they claim was supposedly a “brokerage fee” for the sale of Stal (which was actually part of my bitcoin profit share), that is still far less than the Hua Tun offer.
119. Stal is a substantial 110/10 sub-station which provides electricity via transit supply and so it is inconceivable that its market value was only \$159,000. The pricing of Stal was based on its strategic location and the potential which it offered. In particular, Stal was hugely important to MMK as the best energy source for the GM JV. If I had been engaged in a genuine arm’s length sale of Stal for market value, I would have demanded at least the \$2.5 million I had been offered by Hua Tun, and potentially more given its particular importance to MMK.
120. Mr Kim argues (Kim 1, paras. 37-40) that the sale was not at an undervalue because Stal and the ABK Buildings were in poor condition and required significant renovation works and investment. That is true, and it was well known to MMK that both were in sub-optimal condition (they had inspected them and supervised the renovation works), but that did not mean that the transfer sum of \$159,000 was its market value. In comparison, the Vtorprom Factory was in a worse condition than Stal and the ABK Buildings, as shown by the enclosed photographs of the Vtorprom Factory before its transfer to Hua Tun (**pages 141-214**), and the Vtorprom Factory

was also not operational, unlike Stal. Yet Hua Tun purchased the Factory for \$5 million.

121. Mr Kim also argues (Kim 1, paras. 45-49) that the transfer prices were genuine market value because they were only slightly higher than the prices for which Temirshi transferred these assets to KKS Karagandy in 2017. However, that proves the opposite point. As I explained above, the transfer from Temirshi to KKS Karagandy was an internal transfer between two companies which I owned, to facilitate the sale to Hua Tun, and those transfers were also done at nominal book value, not at market value. The fact that a very similar transfer sum was fixed for the transfer from KKS Karagandy to Prima Investment shows that those transfers were also at a nominal value. Had they been at market value the transfer price would have been much higher.
122. Mr Kim's statement that the specified sums amounting to around US\$ 1 million for Stal and the ABK Buildings were the market value of the assets directly contradicts his model that was prepared for GM in 2017 stating that the value of these assets was US\$ 16 million (as is specified in his spreadsheet which he sent to me on 23 July 2017 (**pages 74-77**)). As I stated previously at para. 97 above, the valuation of 16 million dollars was an overstatement, and I suspect that this was done by Mr Kim in order to secure the same level of funding from GM. This shows that Mr Kim's statements regarding these assets and their value are not reliable and that he changes his position according to what suits him best in the specific situation in question.
123. The fact that the transfers of these assets to Prima Investment was done at book value and not genuine market value is supported by the witness statements of Mr Naurzaliev (the director of KKS Karagandy), Sholpan Soyayeva (an accountant and nominee shareholder, who held the shares in KKS Karagandy for me) and my brother, Aydyn Alimov.
124. Mr Kim also argues that I had "flipped" the ABK Buildings, i.e. I presume he means I bought them and quickly sold them on. He says that KKS Karagandy only became their legal owner on 12 January 2018, 12 days before to their transfer to Prima Investment (Kim 1, para. 34). I did not "flip" those buildings. The ABK Buildings (ancillary to Stal) were only transferred from Temirshi to KKS Karagandy in January 2018 (to be transferred onto Prima Investment) because those ABK Buildings had not

been part of the sale to Hua Tun and so had not previously been transferred to KKS Karagandy. (Hua Tun was only going to purchase the administrative buildings associated with the Vtorprom Factory, not those around Stal, and so there had not been any reason to transfer those around Stal beforehand.) Again, these were just internal transfers between my companies prior to the transfer to Prima Investment. I was the ultimate beneficial owner of the ABK Buildings at all times prior to their transfer to Prima Investment (when they were owned both by Temirshi and then by KKS Karagandy). Mr Kim also knew that I owned these assets in July 2017, because he told GM that this was my facility in the spreadsheet which he sent to them (**page 74-77**). For this reason he cannot possibly sincerely believe his suggestions that I “flipped” the assets in January 2018 and did not own them before that.

Payments of bitcoin by MMK

125. I was given all the information about the ABK Project and the operation of the GM JV at meetings which I held with some or all of MMK, where we discussed the Project. For instance, I was given a presentation where MMK were advised by a corporate services provider about incorporating a company as the vehicle for the ABK Project in the UAE, held by an offshore structure (**pages 215-221**).
126. In December 2017, once the ABK Project became operational, Mr Kim and I could calculate the “additional sum” due to me under the London Agreement, representing the difference between GM’s maximum electricity price (US\$0.04 per kWh) and the actual price which had to be paid for electricity supplied to the Project from the Karagandinskaya power station via Stal. Mr Kim and I calculated that the actual price of electricity was US\$0.024 per kWh, so the difference was US\$0.016 per kWh and I was due that amount for each kWh of electricity supplied via Stal.
127. From January 2018, Mr Kim started transferring bitcoin generated by the ABK Project (using my assets Stal and the ABK Buildings for the mining factory). The totals are set out in the schedule to the POC. That schedule is based on the figures in the reconciliations of bitcoin prepared by Mr Kim and which he gave to Yerlan Isekeshev and Beibut Kopbaev, with whom Mr Kim met at the Raddison Hotel. After this meeting with Mr Kim, Yerlan Isekeshev and Beibut Kopbaev gave this document to Aydyn Alimov at his office. Aydyn Alimov photographed this document and sent it

to me (**pages 222-227**). As soon as I received this document I printed it out and wrote at the bottom “*Received from Andrey K 13.05.2018 (Radisson)*” and signed it, as I often do to confirm receipt of a document. I also remember that Yerlan Isekeshev phoned me and said that Mr Kim had asked him and Beibut Kopbaev not to show this document to anyone, particularly not to me.

128. The figures in this document for the bitcoin paid to me also match the bitcoin which I received in my bitcoin wallet, printouts of which are at **pages 228-239**. I calculate the total received from MMK as 226 bitcoin, which amounted to \$1.687 million at the time (the dollar conversion of each payment at the time is shown on my bitcoin wallet).
129. Mr Kim denies preparing the spreadsheets and denies giving them to me: at Kim 1, para. 72. As I have explained above, Mr Kim did prepare them (or had someone prepare them for him) and he gave these excerpts to Yerlan Isekeshev, who gave them to my brother. Mr Kim does not recognise the signature on the bottom but that is because it is my signature. As above, I signed and wrote that they were received from Mr Kim on 13 May 2018 at the Radisson by adding an inscription at the bottom and signing it.
130. During January and February 2018 the spreadsheet says the payments were 35% of the bitcoin received by MMK from the ABK Project. This was calculated exactly for each payment: for instance the spreadsheet shows (a) on 19 January, I was paid 9.0889 bitcoin, 35% of the 25.968 bitcoin received by MMK; (b) on 27 January, 19.98 bitcoin, 35% of the 57.1 bitcoin received by MMK; (c) on 31 January, 7.6 bitcoin, 35% of the 21.89 bitcoin received by MMK and so on.
131. After March 2018, the amount of outstanding bitcoin due to me was recorded, and sometimes also the amount of bitcoin received by MMK (showing that my percentage was still 35%), but I was paid lower sums. I had been informed by Mr Kim that some of the bitcoins would be reinvested in the project and utilised to cover other development and infrastructure costs. I inferred that a portion of my share was allocated for these purposes as well, but I never agreed this with MMK.
132. At the end of March or the beginning of April 2018 I met with Mr Makhat, Mr Kim and Vakha Goigov (the employee of MMK who had created the model forecast of the profits of the joint venture back in August 2017) at MMK’s offices at the Radisson.

During this meeting, Mr Makhat instructed Mr Kim to reduce the bitcoin payments to me. The reason behind this decision was that Mr Makhat could not gather enough bitcoins for Mr Satybaldy, on whose behalf he was acting in this project in exchange for the protection (*krysha*) that Mr Satybaldy was providing (as Mr Makhat had told me when we first met in May 2017). After September 2018 MMK stopped paying me bitcoin entirely, without any explanation, and they have never paid me any bitcoin since then.

133. Mr Kim has produced his own schedule to his witness statement showing the total amount of bitcoin paid to me and the total amount generated by the project. He says that this shows that my percentage was not 35%. The bitcoin shown on that schedule as paid to me are the same figures as in my schedule.¹ Mr Kim has not provided any supporting documents to justify the figures for the total amount of bitcoin generated by the ABK Project and so it is impossible to verify the accuracy of this schedule.
134. Mr Kim's figures also have the effect of distorting the size of my claim. He has apparently calculated the total amount of bitcoin generated by the whole ABK Project. But my claim is that (as agreed in the London Agreement): I was to receive 35% of the bitcoin received by MMK, not 35% of all the bitcoin generated by the Project. Mr Kim's percentages of my share compared to the total is therefore irrelevant. Mr Kim always knew that my share of the profits was 35% of MMK's half-share, because that is what is specified in Mr Goigov's model profit forecast which he instructed Mr Goigov to send to me (**page 3-5**).
135. As above, the spreadsheets provided to me by Mr Goigov in August 2017 and by Mr Kim in May 2018 show that my share was exactly 35% of the bitcoin received by MMK.
136. MMK have said that the bitcoin paid to me was a "*brokerage fee*" paid to me because I was a "*broker*" or "*intermediary*" for the purchase of Stal and the ABK Buildings by Prima Investment, and that fee was paid to me in bitcoin (Mirakhmedov 1, para.

¹ Save for a payment of 20 bitcoin which Mr Kim claims was paid to me on 31 May 2018. Mr Kim's spreadsheet at the time said that this sum was "*wrongly allocated*" and 10 bitcoin were later deducted as "*deduction from wrongly allocated*" bitcoin (**pages 222-227**). I cannot trace what happened to the other 10 bitcoin. That is why the 20 bitcoin is not included in my schedule.

37; Kim 1, paras. 33-34, 76-81; Makhat 1, para. 49). This does not make any sense because:

- (a) As above, I was not a broker or intermediary for the sale of Stal and the ABK Buildings: I was the ultimate beneficial owner of those properties. I had always made it clear to them that I owned the properties, and MMK had visited them in August 2017 with me and my brother. Mr Kim also made it clear that this was my property in his spreadsheet that he prepared for GM and sent to me on 23 July 2013, by describing the property as “Y. Alimov’s facility” (pages 74-77). I do not understand how he (or Mr Mirakhmedov and Mr Makhat) can now allege that I was not the beneficial owner of the assets or that they did not know this at the time.
- (b) The supposed “brokerage” fee of US\$1.75 million is also higher than the contractual price recorded for the transfer of Stal (US\$159,000) and the ABK Buildings (US\$855,000). MMK claim that these are the market value of the properties, which is incorrect (as above). On their own argument it does not make sense that a “broker” would receive more in “brokerage fee” than the transfer price.
- (c) The spreadsheet containing Mr Goigov’s profit model from August 2017 states that I am a partner with an stake of 35% of MMK’s half-share. Mr Kim instructed him to send it to me, thereby recognising at that time that I was a partner. Nobody said that I was a broker receiving a one-off fixed fee.
- (d) Mr Mirakhmedov and Mr Kim’s solicitor describes the “brokerage fee” as a “*one off, fixed conditional commission payment*” (Moruzzi 1, para. 70). But it was not paid as a “*one off*” fee, but instead it was paid in monthly payments in differing amounts and those amounts were linked to the percentage of bitcoin received by MMK, as above.

137. MMK have said that they had agreed on this brokerage fee with me in an oral agreement. They have not said when or where they reached this oral agreement with me.

138. Mr Makhat has alleged (Makhat 1, para. 50) that I requested payment in bitcoin to circumvent my disclosure and tax obligations to Kazakh authorities and my state-owned employers, as I was the chief executive of the state-run electrical power

company, AstanaEnergoService. That is wrong. I was not a government official when I was chief executive of AstanaEnergoService. That company is a public limited company, in which the government is a majority shareholder. Therefore, there were no obligations for me to make disclosures of my assets to any state authorities, as would be required of government officials; I simply submitted normal tax declarations like any other citizen of Kazakhstan. Further, I resigned as chief executive of AstanaEnergoService in November 2017 (as shown by the attached press release at **page 240-245**), before I received any bitcoin from the ABK Project. My former position in that company is unconnected to my receipt of bitcoin from the project. I received bitcoin from the ABK Project because I was a partner in it and my share was set by the London Agreement.

My work on other bitcoin-mining ventures: Sogrinskaya/Titan and KarDOK

139. As above, I also introduced MMK to the owners of other power stations, KarGRES-1, Ridderskaya and Sogrinskaya (as Mr Mirakhmedov recognises: Mirakhmedov 1, para. 36). While MMK failed in their attempts to purchase the first two, I later succeeded in negotiating the purchase of Sogrinskaya for the GM JV in October 2017 (after I had provided Stal and the ABK Buildings for use in the GM JV).
140. I represented MMK in the negotiations to purchase Sogrinskaya with its beneficial owner, Mr Idrisov. In October 2017 I sent Mr Mirakhmedov a presentation which I had been given on Sogrinskaya and told him that the sellers were “*hiking up the price*” (**page 22**). Mr Mirakhmedov expressed confidence in me: “*Brothers, knowing your negotiations skills, InshAllah [please God] everything is going to be MashAllah [i.e. everything is going to work out well]*”. I managed to negotiate the purchase of Sogrinskaya from the asking price of US\$25 million down to US\$8 million.
141. I also paid the deposit of US\$1.2 million with my own funds because MMK were unable to provide the funds in time; and I had to chase MMK for many months to be repaid this sum (for instance see my Telegram messages with Mr Kim in March 2018: **page 26**). I was only repaid in full in June 2018 out of bitcoin generated by the ABK Project.
142. In February 2018, I travelled with MMK to Ust-Kamenogorsk to inspect Sogrinskaya and the future Titan crypto farm. I was informed about this trip in the evening, with our departure scheduled for the next morning at around 7am. I recall this because I had a

planned dinner in the evening with the Satybaldy family at their home, which I could not attend due to this newly organised trip. I decided to go on the trip because it was important to me as it related to the development of my joint venture with MMK. However, it was not a wise decision because in Kazakhstan if you are invited to have dinner with influential people such as Mr Satybaldy, you should not refuse or ignore them. I asked Mr Makhat to inform Mr Satybaldy (as he was due to meet him) that I would not be able to attend the dinner as I was going to Ust-Kamenogorsk with MMK to inspect Sogrinskaya. However, as it was later revealed, Mr Makhat did not inform Mr Satybaldy that I could not attend dinner. After that my relationship with Mr Satybaldy cooled. In particular, his wife called my wife that evening and asked then why we were late. My wife informed Mrs Satybaldy that I had gone to Ust-Kamenogorsk and that her husband was meant to have been told about that. Mrs Satybaldy said that no one had informed him of that and then she hung up the phone. I believe that this was a strategic move by MMK at that time to cut off my direct access to Mr Satybaldy.

143. Sogrinskaya became the second power station used by the GM JV and a second crypto farm was established near it on the site of a former vehicle fleet operator business known as Titan, close to the Sogrinskaya power station. This property was purchased and its infrastructure developed for bitcoin mining as was done with Stal and ABK Buildings. This became known as the “Titan Project” and later came to be owned by GDA, like the ABK Project.
144. In recognition of my contribution to the Titan Project (principally the very large reduction in price which I had achieved during the purchase of Sogrinskaya), MMK promised to give me 12.5% of their share in the project, and the same share of the bitcoin which they received from it. The project was again shared 50-50 between GM and MMK.
145. In order to document this agreement via a corporate structure, it was agreed that I would be given shares in the company which then held Sogrinskaya, a company called Long Life Ltd incorporated in the Ras Al Khaimah International Corporate Centre in the UAE. In around April 2018 my wife and I travelled to Dubai at Mr Kim’s recommendation to meet a lawyer called Svetlana Zakharova who was working for MMK. My wife signed a share transfer form to receive 6.25% of the total shares in this company (i.e. 12.5% of MMK’s half share) from a nominee shareholder (**page 246**). My wife was acting as my nominee shareholder. Ms Zakharova assured me that the formalities would be completed

and she would send Mr Kim the original version of this share transfer form to register my wife as a shareholder. However, this was never done and no shares were issued to her.

146. Separately another crypto farm, called KarDOK, was established near the ABK Project and was also powered via Stal. This project arose from an inspection trip in February 2018 which Mr Makhat, Mr Kim and I made to the ABK Project (which was operational by then). They requested that I transfer 10 hectares of land owned by KKS Karagandy to set up a new crypto farm. I explained that it would take at least a year to build the necessary infrastructure and it would cost us US\$500 – \$1,000 per square metre. MMK's requirements for the area of a crypto farm were for 20,000 square metres, which meant the costs would ultimately have worked out as US\$ 10,000,000-20,000,000. In my opinion, this was not rational. Instead, I suggested that we examine the existing buildings and then purchase them instead and develop them into a new crypto farm. (As a result, I did not transfer these 10 hectares of land near the ABK Buildings because we decided it would not be financially beneficial, even though I was prepared to do this; this land still belonged to me at the time).
147. I found an industrial facility located near to the ABK Buildings and Stal, which was known as KarDOK. I recommended this property to MMK – they had not been aware of it previously – and told them who the facility's owner was. Mr Makhat came to an agreement with the facility's owner to buy it for US\$4,000,000, deferred for two years. This site was also developed into a crypto farm, known as the KarDOK Project, powered by Stal, and it still operates today.
148. For my work on the KarDOK project, MMK promised me 12.5% of their share in the KarDOK Project and the same share of the bitcoin which they received.
149. I make it clear that I do not claim separately for my shares in the Titan Project or the KarDOK Project because the assets of both Projects have become owned by GDA, and so my share in those projects have become subsumed within my claim to 35% of MMK's shares in GDA under the London Agreement. I discuss my work on those projects to show my total contribution to the GM JV and its first three bitcoin-mining factories in Kazakhstan; and to respond to MMK's arguments that somehow it is not "commercial" for me to receive 35% of their shares in GDA.

Establishment of GDA

150. From January 2018 I repeatedly asked MMK about the creation of the corporate vehicle for the ABK Project and when I would be allocated my shares in it. They kept telling me that their lawyer, Maksim Sulimov, was working on it, and that they wanted to incorporate the corporate vehicle in a more favourable jurisdiction than Kazakhstan.
151. Mr Mirakhmedov did not tell me that he had already incorporated GDA in Cyprus on 15 June 2017 (only five days after our meeting in London when we reached the London Agreement) or that he, Mr Makhat and Mr Kim were directors of it, or that Mr Mirakhmedov had personally received the shares in the company on 21 February 2018: see POC, para. 52. I only discovered this from investigations carried out during this claim.
152. Those investigations also showed that (a) on 14 May 2020 50% of the shares in GDA were issued to the owners of GM, (b) on 30 September 2020 Mr Mirakhmedov gave a third of his shares to each of Mr Makhat and Mr Kim, and (c) on 11 September 2020 Prima Investment became owned by GDA via a subsidiary and so the ABK Project: see POC, para. 52.
153. Under the London Agreement I should have been given shares in GDA (as the vehicle for the ABK Project) at the same time as Mr Makhat and Mr Kim received theirs, but unfortunately this did not happen.

D. OTHER RESPONSES TO MMK'S EVIDENCE

Mr Mirakhmedov's residence

154. Mr Mirakhmedov was resident in England at the time of our meeting at 27 Ingram Avenue on 10 June 2017, as he has admitted. He has claimed that he became solely resident in Dubai from September 2021. I dispute that. I will leave most of the evidence concerning Mr Mirakhmedov's residence in England to the witness statements of Mr Iatuha and the documents which my solicitors have obtained in these proceedings. I only add below points which derive from my own knowledge.
155. In Mirakhmedov 2, paras. 24-26, he has stated that the photograph which my investigators, Raedas, took of a lady leaving 27 Ingram Avenue was not Mr

Mirakhmedov's wife, Nargiza Turdakhunova (as Raedas had believed) but his mother. Mr Mirakhmedov makes accusations of allowing a false statement to be made to the court.

156. I have only met Mr Mirakhmedov's wife only once in my life, during my visit to 27 Ingram Avenue on 10 June 2017. I therefore did not recognise her and so I did not question Raedas' identification of the lady in the photograph as her. The lady in the photograph was wearing sunglasses and a headscarf, and she is small in the photograph, which was taken at some distance away, making it more difficult for me to identify her face. I have never met Mr Mirakhmedov's mother.
157. In Mirakhmedov 2, para. 28, Mr Mirakhmedov says that his mother lives at 27 Ingram Avenue and he has been "*very clear*" in his first statement about that (Mirakhmedov 1, para. 9), "*as have the communications from Withers*", his solicitors. However, that is incorrect. In in their response to my letter of claim, Withers, acting for Mr Mirakhmedov, said that Mr Mirakhmedov was not resident at 27 Ingram Avenue and "*he does not own this property*" (para. 1.3). They never said that his mother lived there, nor make any mention of her at all. It appears to me to be misleading for him to claim then that he does not own 27 Ingram Avenue, when he now says that he and his wife hosted the Iftar dinner at that property on 10 June 2017, and that his mother lives there. My solicitor, Mr Iatuha, has explained that the property has been owned legally by offshore trust companies based formerly in Jersey and now in the Bahamas. I infer that the beneficiaries of this trust are Mr Mirakhmedov and members of his family. Mr Iatuha has also exhibited documents showing that Mr Mirakhmedov's wife applied for planning permission in her own name in relation to 27 Ingram Avenue in 2015.
158. As described in para. 444 above, when I arrived at 27 Ingram Avenue for the dinner on 10 June 2017 Mr Mirakhmedov showed me around the house, describing how he had purchased the property, and designed and paid for the renovations himself, and he called it his and his family's home.

Meetings with Mr Mirakhmedov and Mr Makhat

159. Mr Mirakhmedov and Mr Makhat have said that they had minimal interactions with me, to try to suggest that I was not a partner of theirs. That is untrue, as I have described above.

160. While most of my day-to-day interactions on the joint venture were with Mr Kim, who was the only one of MMK working on the venture full time and he was responsible for operations (as Mr Kim recognises in Kim 1, para. 26). Mr Mirakhmedov and Mr Makhat were not working on the venture full time and so I had less contact with them in relation to it. However, I met them for important meetings and site visits. They have both omitted some of the meetings which I had with them.
161. In Mirakhmedov 1, para. 16, Mr Mirakhmedov lists four or five meetings which he had with me in person. However, there were at least two more meetings and interactions between us in Kazakhstan which he does not mention:
- (a) In the first quarter of 2018, at Mr Mirakhmedov's request, I arranged a meeting at a restaurant called Venice in Astana for him and a high-ranking government official, Aset Isekeshev (the brother of a business partner of mine, Yerlan Isekeshev). The agenda was for Mr Mirakhmedov to secure political support for our bitcoin-mining venture. Even though Mr Satybaldy was acting as "*krysha*" for our project, his involvement alone might not have been enough. That is because Mr Satybaldy did not hold any official government position, and the project required support from someone from the government who could assist. I remember that Aset Isekeshev was dissatisfied with the meeting and asked me why I had brought him there and who Mr Mirakhmedov was. Throughout the entire meeting, which lasted nearly an hour, Aset Isekeshev did not understand who Mr Mirakhmedov was and what he wanted.
 - (b) A few days after the restaurant meeting described at paragraph 161(a), Mr Mirakhmedov, Mr Makhat, Mr Kim and I went on a business trip from Astana to Ust-Kamenogorsk, on a private jet which Mr Mirakhmedov had chartered. Our day-long visit included an inspection of the operations of the Sogrinskaya power station, which had recently been acquired (see paras. 142-143 above). I had advised MMK to hire Mr Abbas and his team of energy experts to work on Sogrinskaya, and they showed us around the Sogrinskaya power station. On the same day, MMK, Mr Abbas, his team and I visited the site of the Titan facility to evaluate its potential for establishing a crypto farm (as described above).

162. It is worth noting that in 2018 Mr Makhat's wife, Karolina, and Mr Mirakhmedov joined the board of trustees of a charity, named Kasietty Zhol, of which my wife is one of the trustees. I believe one of aims of Mr Mirakhmedov's involvement in the charity, amongst others, was to establish proximity to my family in the context of our new business relationship.
163. In Makhat 1, para. 39, Mr Makhat has provided his recollection of his meetings with me. He admits that he cannot recall every meeting and interaction with me. I disagree that we had "*minimal substantive interaction*" as he claims. I would like to add a number of further meetings and interactions which I had with him which he has forgotten or omitted from his witness statement:
- (a) In June 2017, Mr Makhat, Mr Kim and I had a meeting with the energy experts at the Radisson Hotel (as described at para. 28 above).
 - (b) In February 2018, Mr Makhat, Mr Kim and I visited the operational ABK Project and they requested that I transfer 10 hectares of land owned by my company to expand the bitcoin-mining factory, but I said that constructing new mining facilities would be too expensive, which led us to find the KarDOK site nearby (as described at para. 146 above)
 - (c) Also in February, Mr Makhat visited the Sogrinskaya power station and the Titan facility, along with Mr Mirakhmedov, Mr Kim and I (as described in paras. 142-143 and 161(b) above).
 - (d) At the end of March or the beginning of April 2018, I met with Mr Makhat, Mr Kim and their employee Mr Goigov (the MMK employee who had created the model profit forecast for the joint venture back in August 2017) at the Radisson Hotel and during this meeting, Mr Makhat requested Mr Kim to reduce the bitcoin payments to me (as described in para. 132 above).
 - (e) On or around 16 March 2019 I met with Mr Makhat and Mr Kim at the Radisson Hotel and they said they were removing me from the GM JV.
 - (f) I also had a fleeting social interaction with Mr Makhat in November 2021, after MMK had removed me from the GM JV. It was at the wedding of two of my close

friends' children and when I was leaving the wedding, I noticed Mr Makhat sitting in the next car to mine. It seemed that he had noticed me as well, and he was trying overly hard to pretend that he had not seen me.

Wall Street Journal article and Makhambet Abzhan

164. In Makhat 1, paras. 28-32 Mr Makhat alleges that I provided false information to a journalist from *The Wall Street Journal* about the proceedings. I categorically deny these allegations. I present the true account of my communications with that journalist.
165. In or around February 2023, one of my friends from Kazakhstan, who is also a journalist and who was aware of my claim against MMK and GDA, asked if I would be interested in being contacted by her colleague from *The Wall Street Journal*, who was interested in speaking with me about the case. I agreed to this proposal, and the journalist from *The Wall Street Journal*, called Eliot Brown, contacted me in the same month. He informed me that he was interested in my case and wanted more details to publish an article about it.
166. Mr Brown and I were in contact for almost a year until the article was published, during which he asked me various questions about the factual background and any developments in the case.
167. Mr Makhat falsely alleges that I spoke to the journalist to try to “*extract money*” from him and Mr Mirakhmedov and Mr Kim and put them under “*improper pressure*” by publicising the claim. That is entirely false. At no point have I ever asked for money from Mr Makhat, or from Mr Mirakhmedov or Mr Kim, as a result of the article or my communications with Mr Brown, nor sought to pressure them by means of publicity. My communications with Mr Brown were initiated by him and I agreed to them. Mr Brown asked Mr Makhat to comment on my account of the case and he did so, via his solicitors.
168. In Makhat 1, para. 33 Mr Makhat presents false allegations against me involving a Kazakh journalist who reported on this case and who has been imprisoned in Kazakhstan for his articles, Makhambet Abzhan. That was not in an attempt to extract money from Mr Makhat or to pressure MMK. Mr Abzhan was interested in publicising this article as he opposed the current regime in Kazakhstan.

169. He was prosecuted for spreading false information and the Kazakh court found him guilty. The court refused my request to provide a witness statement or give evidence in these proceedings to support this information because I am subject of a separate criminal investigation in Kazakhstan concerning the same allegations (described further in paragraph 176 below). I suspect that Mr Makhat (or one of MMK) made the complaint to the Kazakh authorities that the information was false and used their influence to ensure that a prosecution was brought.

Allegations by the owners of Temirshi

170. In paragraphs 24-25 of Shambayati 1 (the witness statement of Mr Makhat's solicitor), he states that he interviewed the minority owners of Temirshi, who accuse my brother, Aydyn, and me of oppressing them, refusing them access to company premises and using aggressive and violent behaviour to threaten them. I wholly deny these allegations. These allegations are completely false and this is the first time I have heard any of them; the minority owners (Mrs Skopenkova and her family) never accused me of this directly (I am also not aware of any reports to the law-enforcement authorities).

171. I also do not see the relevance of them in this case at all; they appear only to be raised to smear me. These allegations are in the context of my dispute with Mrs Skopenkova and her family, after they reneged on the preliminary agreement I had with one of the original founders for me to buy his 10% interest in Temirshi.

E. THREATS AGAINST WITNESSES AND ME

172. There have been some concerning threats against my witnesses and potential witnesses in Kazakhstan, as well as against me personally.

173. One of my witnesses, Arman Naurzaliev, has told me that he was threatened by Mr Makhat, via an intermediary. Mr Naurzaliev ignored the threats and decided to give evidence, and he describes how he was threatened in his witness statement.

174. Other potential witnesses who had agreed to provide witness statements were also threatened and these threats have proved effective because those witnesses refused to give evidence. I had arranged for Mrs Kaplunovskaya and Mr Abbas (energy experts from the team I had introduced to the project) both to give witness statements in this

application. Both had agreed to this. They would have been able to support my evidence above that I had introduced them to the GM JV, they and I had meetings with Mr Makhat and Mr Kim, that I was a partner with MMK, and that they performed expert assessments of various power stations for the GM JV. However, closer to the deadline to provide their witness statements, Mr Abbas avoided all communications with me. On 6 June 2024, Mrs Kaplunovskaya informed me that she had talked to Mr Abbas, and she had something to share with me. She also mentioned that she was very nervous about the entire situation around Mr Abbas. She asked me for a call.

175. I contacted her on 7 June 2024. We had a telephone call lasting approximately 36 minutes, which I recorded. A Russian transcript of that recording, and an English translation, are exhibited at **pages 247-274**. In summary, Mrs Kaplunovskaya informed me that:

- (a) Mr Abbas had asked her to inform me that he was working in Tashkent, Uzbekistan, on another project, and he had been telephoned and messaged by an Uzbek government official and by the main shareholder (from Saudi Arabia) in the project he was working on, both of whom had said that if he planned to give evidence for me in my case, he should resign his employment on that project. Mr Abbas perceived this as a threat not to give evidence. He did not wish to lose his job because he needed to support his family. He originally came here from New Zealand (he is from Pakistan by birth) but all his work was in Central Asia and the CIS countries and he could not afford to go back to New Zealand. He therefore felt pressured not to give evidence. Mrs Kaplunovskaya said she had seen the messages sent to Mr Abbas, and call logs, and the sender was a real Uzbek government official, whose identity she checked.
- (b) Mrs Kaplunovskaya said that her husband had been approached in Kazakhstan by several people in turn, who offered money if she were not to testify in support of my case. When her husband refused saying that she was not for sale, those people then made threats against her, her husband and her children if she were to give evidence for me. She felt pressured by these threats and ultimately refused to give evidence in this case, to protect her family.

176. I do not know the identities of these people who threatened Mr Abbas and Mrs Kaplunovskaya but I believe Mrs Kaplunovskaya that she saw the messages sent to Mr Abbas from an Uzbek government official. I note that Mr Mirakhmedov says he is originally from Uzbekistan.
177. I cannot state with certainty that MMK arranged for these threats to be made against Mr Abbas and Mrs Kaplunovskaya to prevent them giving evidence. However, I can draw that conclusion on the basis that it is difficult to imagine anyone else that would be interested in putting pressure on my witnesses. I also believe that MMK arranged to put pressure on these witnesses because they were concerned that these witnesses would strengthen my case. Additionally, I also note that Mr Naurzaliev gives evidence about how he was threatened, via an intermediary who said that he was passing on a “*kind*” message, i.e. threat, from Mr Makhat.
178. I am concerned that if I had to bring my claim in Kazakhstan, there would be nothing to stop more witnesses being threatened and the Kazakh police and Kazakh courts would not do anything to stop it. This would affect my case by depriving me of supporting witnesses.
179. I have also been threatened, which I believe is linked to this case. On 29 November 2023, I received emails from an email address I did not know (through Proton, the encrypted email server) which said, “*there are some people who are trying to hurt you and get you fucked up seriously and they already obtained enough information that can lead to bury you, and get you in a long dark road*”. The author claimed to be offering to “*re-obtain the information*” and help me find the people responsible, giving me a contact name on Telegram. He then said that if I thought it was a joke or a scam, he would send me a picture of my house in England, giving the address. The second email said that if I reported this to the police I would only be exposing myself further and that the author was the only one who could “*help*” me (**pages 275-277**). I interpreted these emails as a threat and reported them to the police, who opened a case with a crime reference number.
180. I do not know if MMK are linked to these threats, but I do not know any other people who would want to hurt me or who would threaten me with information which could harm me. This is also consistent with the threats against other witnesses to stop them

giving evidence in this case, as above, and the threat against Mr Naurzaliev was directly passed on from Mr Makhat.

181. I am also concerned that pressure is being placed on me to try to get me to withdraw my case. I am facing criminal prosecution in Kazakhstan in relation to the imprisonment of Mr Abzhan, the Kazakh journalist, for publicising information which I gave him concerning Mr Makhat, Mr Satybaldy and the cryptocurrency-mining venture. Mr Makhat was the person who initiated the prosecution of Mr Abzhan. I maintain my innocence; I was doing no more than telling Mr Abzhan the truth.
182. I also note that a website has been created called '*yermekalimov.com – Yermek Alimov Corruption Stories*' that contains defamatory articles about me (including trumped-up allegations of corruption and illicit transactions) as well as allegations of corporate raid takeovers and bogus employment in the UK. None of this is true and I categorically deny the entire content of this website. As I say in the above paragraphs, I do not know anyone else other than MMK who would want to cause harm to me or smear me. I therefore believe that this website is part of a PR campaign by MMK with the intention of putting pressure on me by using false stories to withdraw my claims.
183. My brother, Aydyn, is also under criminal investigation in Kazakhstan. As he has described in his witness statement, the investigators have focused on trying to find trumped-up evidence to link me into the charges against him (although the case against him concerns companies which I not connected with). Given Mr Makhat's connections with the Kazakh government authorities and security bodies, I infer that he (or another one of MMK) is a likely person to have arranged these criminal investigations. It is a common occurrence in Kazakhstan for a party to a business dispute to arrange for criminal proceedings against other parties or their relatives as a way of putting pressure on them.

F. CONCLUSION

184. I invite the Court to dismiss the Defendants' application, and to allow my case to proceed in the English Court.

Statement of truth

I believe that the facts stated in this witness statement are true. I understand that proceedings for contempt of court may be brought against anyone who makes, or causes to be made, a false statement in a document verified by a statement of truth without an honest belief in its truth.

Signed: _____[signature] _____

Name: Yermek Alimov

Dated: 28 June 2024